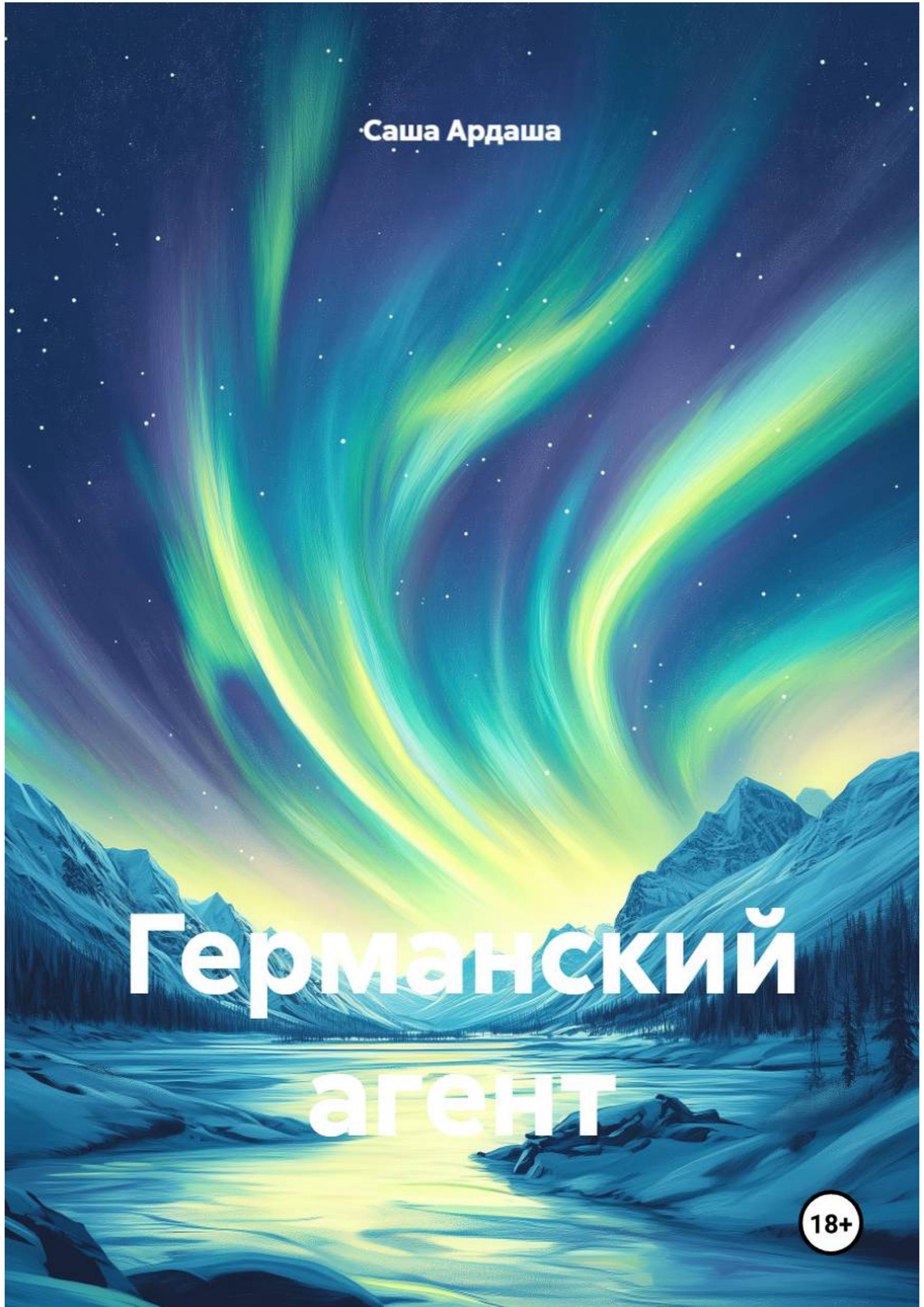

Саша Ардаша

Германский агент

18+

Саша Ардаша

Германский агент

«Автор»

2026

Ардаша С. С.

Германский агент / С. С. Ардаша — «Автор», 2026

Оказавшись в начале эпохи революций и мировых войн, главный герой оказывается втянут в события, которые должны были определить судьбу всего человечества. Обладая знаниями о будущем и опытом военного и политического противостояния, он постепенно перестаёт быть сторонним наблюдателем и сам становится одним из архитекторов новой эпохи.

© Ардаша С. С., 2026

© Автор, 2026

Саша Ардаша

Германский агент

Пролог

Немецкую речь я слушал с каким-то странным наслаждением. Слова звучали совсем рядом, но я пока не понимал, о чём говорят. И почему-то именно это сразу напомнило мне школу. Лина Карловна. Новая учительница немецкого языка появилась у нас где-то в старших классах. Наверное, это были лучшие годы моей школьной жизни. Начиналась половозрелость, гормоны зашкаливали, и я, как большинство пацанов моего возраста, умудрялся влюбляться практически во всё, что двигалось. Именно тогда к нам в школу распределили троих молодых учителей. Одной из них была Лина Карловна. Девушка с настоящей, как мне тогда казалось, арийской внешностью. Ростом примерно со среднюю француженку, зато весом под сто килограммов. Короче — колобок. Но язык она знала прекрасно. Я даже записался на факультатив, который она вела, и впитывал каждое её слово, как губка. Мне вдруг действительно стало интересно, как звучит немецкая речь, почему слова строятся именно так и почему одна и та же мысль может звучать совершенно по-разному на разных языках. Правда, в дальнейшей жизни всё это практически никак мне не пригодилось. Ну, если не считать сегодняшнего дня. Я лежал и смотрел в белый потолок, вспоминая всё это. Второй инфаркт. Мысль крутилась в голове, как заезженная пластинка. А вроде бы после второго бывает третий. А после третьего уже мало кто выживает. Хотя доктором я никогда не был. Но почти половина моей жизни прошла в горячих точках, поэтому определённый жизненный опыт имелся. Правда, опыт этот больше относился к тому, как не получить пулю, чем к кардиологии. Полковник, нахрен, дослужился, подумал я. И что в итоге? Ни родины, ни флага. За что боролся на то и напоролся. Я закрыл глаза. И снова услышал немецкую речь. Да что за напасть такая... пробормотал я. Открыл глаза. Сначала увидел белый потолок. Потом медленно повернул голову. Это была не больничная палата. Обычная комната. Причём явно не современная. Никаких пластиковых окон, телевизора, кондиционера или хотя бы зарядки от телефона на тумбочке. Зато в комнате находились три парня. Все трое смотрели на меня. Один что-то сказал по-немецки. Я не понял ни слова. Второй подошёл ближе и повторил громче: *Aufstehen, Hans! Wir werden in einer halben Stunde erwartet!* Вставай, Ганс! Нас ждут через полчаса. Ганс? Я замер. Какой ещё Ганс? Может, это последствия наркоза? Может, я вообще в больнице и мне снится какой-то немецкий кошмар? Я медленно высунул руку из-под одеяла и коснулся собственного носа. И тут внутри меня всё оборвалось. Рука была не моя. Совершенно не моя. Длинные пальцы. Чужая кожа. Другие ногти. Я резко сел на кровати. Парни уставились на меня. *Was ist los mit dir?* Я их уже вообще не слышал. Соскочив с кровати, я бросился к зеркалу. И увидел его. На меня смотрел совершенно незнакомый мужчина. Лет за сорок. Высокий. Широкоплечий. Спортивного телосложения. Коротко подстриженные волосы. Чёткие скулы. Незнакомое лицо. Я несколько секунд просто смотрел на отражение. Потом поднял правую руку. Отражение сделало то же самое. Левую. То же самое. Я ущипнул себя за щёку. Больно. Так... Я провёл ладонями по лицу. Так-так-так... Один из парней что-то спросил. Я резко обернулся. Не подходи! Он отшатнулся. Я снова посмотрел в зеркало. Это что, новое тело? Сон? Последствие наркоза? Я помнил, что после тяжёлого наркоза люди иногда видят всякую чертовщину. Но это было слишком реально. Я снова ущипнул себя. Больно. Пощупал грудь. Сердце билось ровно. Никакой боли. Я осторожно провёл руками по животу, плечам, ногам. Всё на месте. Только тело чужое. Вовка прошептал я самому себе. И тут меня словно током ударило. Вовка? Меня звали так в той жизни. Я прекрасно помнил свою жизнь. Детство. Школу. Армию. Горячие точки. Звания. Людей, которых потерял. Последнюю командировку. Боль в груди. И второй инфаркт. А теперь я стоял в чужой комнате. В чужом теле. Перед чужим зеркалом. А вокруг меня трое немцев называли

меня Гансом. Я медленно повернулся к окну. За стеклом был совершенно незнакомый город. Никаких современных машин. Никаких рекламных щитов. Никаких высоток. Люди на улице были одеты как-то странно. Мужчины в длинных пальто и шляпах, женщины в платьях и платках. И тут до меня дошло. Немецкая речь. Старая одежда. Чужое тело. Никакой больницы. Я снова посмотрел на своё отражение. Вовка, ты попал... Я сглотнул. Ты, блин, попаданец. Годы службы в ГРУ позволили быстро взять себя в руки. Паниковать можно потом. Если будет когда. Новое тело, новая реальность придётся выживать. А для выживания главное правило простое: не привлекать к себе внимания. Кто здесь враг? Где я оказался? Какое сейчас время? Что это за люди вокруг меня? Почему они называют меня Гансом? Ответов пока не было. Значит, торопиться нельзя. Я ещё раз оглядел комнату. Трое мужчин продолжали заниматься своими делами. Судя по всему, моё странное поведение они списали на обычную утреннюю сонливость. Это уже было хорошо. Я прошёл к столу. На нём стояла кружка молока и лежал хлеб. Молоко? Я на секунду задумался. Ладно. Сейчас не до гастрономических изысков. Налил себе молока и начал быстро завтракать. Хлеб оказался необычным, почти домашним, совсем не похожим на тот, к которому я привык. Но есть хотелось зверски, поэтому разбираться во вкусовых качествах было некогда. Пока ел, продолжал наблюдать. Говорили между собой они по-немецки. Я понимал слова и смысл некоторых фраз, но свободно поддержать разговор пока не мог. Главное я понял другое. Тесных отношений с этими людьми у меня, похоже, не было. Они не задавали вопросов о моей жизни, не интересовались моим состоянием, не проявляли особого беспокойства. Просто несколько человек, оказавшихся вместе. Это меня немного успокоило. Если бы я оказался среди близких друзей или родственников человека, чьё тело занял, было бы гораздо сложнее. Там пришлось бы изображать человека, которого я совершенно не знаю. А здесь можно было пока молчать. Молчание вообще хороший способ собрать информацию. Я быстро закончил завтрак. Поставил стакан на стол и поднялся. Теперь требовалось привести себя в порядок. В ванной я снова встретился с незнакомым лицом. Посмотрел на себя внимательно. Лицо человека, привыкшего к физической работе. Никакой болезненной худобы. Руки крепкие. На ладонях мозоли. Интересно. Значит, тело принадлежало человеку, который не сидел без дела. Я умылся, привёл волосы в порядок и вернулся в комнату. Одежда тоже многое могла сказать. Я быстро оделся, стараясь не слишком внимательно рассматривать каждую вещь, чтобы не выдать своего незнания. Главное выглядеть естественно. Одежда соответствовала времени, хотя я пока совершенно не понимал, какому именно. Наконец один из мужчин бросил на меня короткий взгляд и что-то сказал. Я кивнул. Да. Универсальное слово. Помогает практически в любой ситуации. Через несколько минут мы вышли из дома. И вот здесь начались настоящие проблемы. Я сделал несколько шагов и понял, что оказался в совершенно другом мире. Улица выглядела так, будто её вытащили из старого исторического фильма. Никаких автомобилей. Редкие экипажи. Люди в непривычной одежде. Мужчины в шляпах и кепи, женщины в длинных платьях. Я старался не таращиться по сторонам. Военная привычка снова оказалась полезной. Сначала наблюдай. Потом делай выводы. Никаких резких движений. Я шёл рядом с этими людьми и одновременно собирал информацию. Архитектура. Одежда. Транспорт. Вывески. Газеты. Номера домов. Всё могло пригодиться. А главное понять, где я нахожусь. Пока что единственным относительно понятным фактом оставалось то, что вокруг звучал немецкий язык. Германия? Австрия? Может быть, вообще какой-нибудь немецкий город? Я пока не знал. Но одно уже понял совершенно точно. Возвращения в прежнюю жизнь, скорее всего, не будет. Я умер. Или почти умер. А теперь получил второй шанс. Только вот никто не сказал, в каком году этот шанс начинается. Я поднял глаза и увидел впереди вывеску. Остановился буквально на долю секунды. На вывеске были буквы, которые я прекрасно знал. А если это Германия... Тогда следующий вопрос был гораздо страшнее. Какой сейчас год? Я пошёл за всеми, стараясь не выделяться. Это оказалось сложнее, чем я думал. Каждый шаг приходилось контролировать. Как держать голову? Как смотреть на людей? Как

здороваться? Как реагировать, если ко мне обратятся? Я не знал практически ничего о человеке, в теле которого оказался. Знал только имя. Владимир Морозов. И немецкое имя, которое мне дали здесь, Ганс фон Шнайдер. Два имени. Две жизни. И ни одной своей. Я вошёл вместе с остальными в просторное помещение. Спортзал. Сомнений почти не было. Мы прошли в раздевалку. Я сразу начал осматривать шкафчики, стараясь делать это как можно естественнее. На некоторых были таблички. Фамилии. Я прошёл вдоль ряда. Один шкафчик. Второй. Третий. Внутри всё сжималось. Если моего имени здесь не окажется, что тогда? Я ведь даже не знал, какие вещи принадлежат этому человеку. Владимир Морозов! Я замер. Не обернулся. Сердце неожиданно забилося быстрее. Вот оно. Проверка. Владимир! Голос стал жёстче. Я медленно повернул голову. За столом сидел немецкий офицер. Он смотрел прямо на меня. Не на толпу. Не на остальных. На меня. Ты что, забыл своё имя? Вопрос прозвучал резко. Я выпрямился. Нет, герр лейтенант. Он прищурился. Тогда почему не откликнулся? Несколько секунд я молчал. Слишком долго. Это я понял сразу. Нужно было ответить. Но что? Я впервые услышал это имя. Замешкался, герр лейтенант. Он продолжал смотреть. Я чувствовал этот взгляд почти физически. Ганс фон Шнайдер, наконец произнёс он медленно. Запомните раз и навсегда: ваше русское имя для вас должно быть таким же родным, как немецкое. Так точно, герр лейтенант! Он открыл небольшой блокнот и что-то записал. Я краем глаза увидел движение пера. Я отмечу это в рапорте. Внутри всё похолодело. Рапорт. Значит, обо мне уже появилась первая запись. И она была плохой. У вас недостаточная подготовка, продолжил он. Вам следует усилить работу в этом направлении. Так точно. Он закрыл блокнот. За мной. Я последовал за ним. Но теперь каждый шаг давался тяжелее предыдущего. Мы вошли в другой зал. Там стояло около десяти человек. Молодые мужчины. Новички. Некоторые выглядели испуганными, другие старались казаться уверенными. Я сразу понял главное. Это не обычная военная подготовка. Здесь готовили людей для работы за линией фронта. Диверсантов. Шпионов. Людей, которым придётся жить под чужими именами. Мне объяснили правила. Я слушал молча. Русский язык. Русские привычки. Русские имена. Легенды. Биографии. Документы. Ошибки запрещены. Одна неправильная фраза могла вызвать подозрение. Один неправильный ответ допрос. А дальше... Я не стал додумывать. К вечеру меня вызвали к майору. Я вошёл в кабинет. Закрыл дверь. Встал перед столом. Майор долго смотрел на меня. Наконец произнёс: У вас хорошие рекомендации, фон Шнайдер. Я промолчал. Но одно дело хорошо показать себя на фронте. Совсем другое разведка. Он встал из-за стола и медленно подошёл к окну. В разведке солдату недостаточно быть храбрым. Он повернулся. Здесь нужно быть умнее противника. Я почувствовал, как напряглись мышцы спины. У вас есть преимущество. Пауза. Вы владеете русским языком. Я кивнул. В данный момент это главное. Майор подошёл ближе. Вы готовы послужить Великой Германии? Я вытянулся по стойке смирно. Так точно, герр майор! Он несколько секунд смотрел мне в глаза. Я не отвёл взгляда. Наконец он усмехнулся. Хорошо. Хорошо. Махнул рукой. Умерьте пыл. Он вернулся за стол. Вам придётся пройти обучение повторно. Я едва заметно выдохнул. Работа в тылу врага не прощает ошибок. Понимаю, герр майор. Надеюсь. Он снова взял ручку. Свободны. Я развернулся. Только выйдя из кабинета, позволил себе сделать глубокий вдох. Повторное обучение было мне даже на руку. Чем дольше я находился здесь, тем больше мог узнать. Главное не попасть под подозрение. На следующий день начались занятия. Оружие. Тактика. Взрывчатка. Работа с картами. Российское снаряжение. Я слушал внимательно. Запоминал всё. Но внутри постоянно жила одна мысль: Я нахожусь среди людей, которые должны отправить меня убивать моих соотечественников. И никто здесь не знает, кто я на самом деле. После обеда нас вывели в спортзал. Я получил ключ от шкафчика. Номер шестнадцать. Запомнил. Нас построили. Перед нами появился молодой лейтенант. Высокий, крепкий, с широкими плечами. По манере двигаться я сразу понял борец. Сегодня рукопашный бой. Началась тренировка. Он работал жёстко. Первого парня бросил на мат так, что тот несколько секунд не мог подняться. Второго отправил туда же. Третий попы-

тался сопротивляться. Лейтенант мгновенно провёл приём. Тишина. Никто не смеялся. Здесь смеха вообще не было.

Каждый понимал: завтра на месте того, кого сейчас бросили на мат, можешь оказаться ты. Очередь дошла до меня. Лейтенант посмотрел на меня. Морозов. Я, господин офицер. Иди сюда. Я вышел. Он обошёл меня. Остановился за спиной. Борьбой занимался? Вот теперь пришлось решать. Соврать? Если он проверит хуже. Сказать правду? Тоже риск. Да. Долго? В молодости увлекался. Он кивнул. Посмотрим. И неожиданно схватил меня за руку. Рывок. Я автоматически ушёл из захвата. Сам. Без раздумий. Лейтенант остановился. В зале стало тихо. Очень тихо. Он медленно посмотрел на свою руку. Потом на меня. Ещё раз. Я приготовился. Он атаковал быстрее. Я снова ушёл. Тогда он пошёл жёстче. Захват. Подсечка. Рывок. Я развернулся. Он едва не потерял равновесие. Вокруг нас уже стояла тишина. Десять человек смотрели только на нас. Я понимал, что нужно остановиться. Но теперь остановиться было поздно. Лейтенант явно хотел понять, кто перед ним. Мы сцепились снова. Минута. Две. Три. Он пытался поймать меня на приём. Я не давал. В какой-то момент он резко дёрнул меня на себя. Я увидел открывшееся плечо. Мозг мгновенно оценил положение. Можно было бросить. Очень просто. Но я остановился. Не стал. Если сейчас уложу его на мат внимания станет слишком много. Он, кажется, понял. Отступил. Тяжело дыша, посмотрел на меня. Почему не провёл приём? Я пожал плечами. Не успел, господин офицер. Он усмехнулся. Врёшь. Я ничего не ответил. Он подошёл ближе. Ты мог меня бросить. Я молчал. Несколько секунд мы смотрели друг на друга. Потом он неожиданно хлопнул меня по плечу. Ты молодец, Морозов. Я выдохнул. Такие бойцы нам нужны. Он повернулся к остальным. Запомните. На войне противник не будет ждать, пока вы подготовитесь. Я вернулся в строй. Сердце ещё колотилось. Но уже не от нагрузки. Я понял другое. Меня заметили. А это было именно то, чего я хотел избежать. В другую группу меня, правда, не перевели. Я продолжил заниматься вместе с новичками. И это меня устраивало. Пока что. Потому что у меня появился первый настоящий враг в этой новой жизни. Не немец. Не русский. Не офицер. А внимание окружающих. Чем больше людей начинали интересоваться Владимиром Морозовым, тем меньше шансов оставалось у меня остаться в живых.

Глава 1

Было уже поздно. В учебном корпусе давно стихли голоса. За окнами стояла ночь, коридоры опустели, и только редкий свет из кабинета майора Штрауса пробивался в тёмный коридор. Майор заканчивал последние дела. Он уже собирался закрыть папку, когда в дверь постучали. Штраус поднял голову. Войдите. Он прекрасно знал: посторонний человек в учебном корпусе ночью появиться не мог. Дверь открылась. На пороге стоял лейтенант Шнитке. Штраус знал его хорошо. Перспективный сотрудник. Спортсмен. Отличная физическая подготовка. Дисциплинированный, смелый, прекрасно владеющий оружием. Фактически готовый диверсант. Его можно было отправлять в тыл противника хоть завтра. Была только одна проблема. Язык. Русский он знал недостаточно хорошо. А для работы в глубоком тылу это означало практически гарантированный провал. Разрешите доложить, герр майор! громко произнёс Шнитке. Докладывайте. Шнитке вошёл и закрыл дверь. Вы просили докладывать о любых странностях в поведении подопечных. Майор откинулся на спинку кресла. Да. Тогда... курсант Владимир Морозов вызывает у меня подозрение. Рука Штрауса остановилась. Он медленно поднял глаза. Морозов? Фамилия была знакомой. Очень знакомой. Майор потянулся к папке. Полистал документы. Нашёл нужную страницу. Владимир Морозов. Он достал отдельный лист и записал фамилию. Потом задумался. И что именно вас насторожило? Шнитке замялся. Майор сразу это заметил. Говорите. Он проявляет тактическую пассивность. Это как? Шнитке сделал шаг вперёд. Сегодня на тренировке я проверял его физическую подготовку. Майор слушал молча. Я спортсмен, герр майор. Я вижу противника на ринге. Продолжайте. Морозов мог вступить со мной в борьбу в полную силу. Штраус перестал писать. Мог? Да. Откуда вы это знаете? Шнитке

сглотнул. Потому что он несколько раз имел возможность провести приём. В кабинете стало тихо. И? Он не стал. Штраус медленно положил ручку. То есть вы хотите сказать, что курсант сознательно уступал вам? Именно. Зачем? Не знаю. Вот теперь майор задумался. Шнитке продолжил: Я несколько раз пытался взять его на приём. Он уходил. Причём делал это слишком чисто. Насколько чисто? Лейтенант помолчал. Так, как не должен уметь новичок. Штраус посмотрел на него. Но он действительно занимался борьбой? Он сказал, что увлекался в молодости. И вы ему не верите? Я не знаю, чему верить. Майор снова взял ручку. На листе появилась короткая запись: «Морозов. Пассивность в учебной подготовке. Возможное сокрытие уровня подготовки.» Он поднял глаза. Что ещё? Больше ничего. Уверены? Да, герр майор. Штраус закрыл папку. Свободны. Так точно! Лейтенант развернулся и вышел. Дверь закрылась. Майор несколько секунд сидел неподвижно. Потом встал. Слишком странно. С одной стороны не новичок. Прошедший первый курс подготовки. С другой человек, который умеет двигаться так, будто проходил серьёзную подготовку. Штраус посмотрел на часы. Поздно. Очень поздно. Но он всё равно взял папку и вышел из кабинета. Начальник школы ещё не уехал. Майора приняли почти сразу. Оберст-лейтенант сидел за столом, собираясь заканчивать работу. Да, майор Штраус? спросил он. Что-то срочное? Разрешите доложить, оберст-лейтенант. Докладывайте. Штраус сел напротив. Начальник школы устало подпер голову руками. Курсант Морозов проявляет пассивность. Оберст-лейтенант поднял взгляд. Пассивность? Да. В чём именно? В обучении. Он будто намеренно не показывает свои реальные возможности. Начальник школы нахмурился. И почему вы решили, что это угроза? Штраус немного помедлил. Я смею предположить... Предполагайте. Что он может быть русским шпионом. В кабинете повисла тишина. Оберст-лейтенант медленно повторил: Русским разведчиком? Да. Несколько секунд начальник школы смотрел на майора. Потом неожиданно усмехнулся. Так это же практически по моему профилю. Штраус не понял. Герр оберст-лейтенант? Вы сами только что принесли мне готовую мишень. Он откинулся в кресле. Если Морозов действительно разведчик, у нас есть прекрасная возможность проверить ваши подозрения. Майор молчал. Поручите его людям контрразведки, продолжил начальник школы. Пусть понаблюдают. Он поднял палец. Но без самостоятельности. Так точно. И ещё. Слушаю. Если он действительно скрывает подготовку, выясните зачем. Штраус кивнул. Всё? Всё. Разрешите идти? Свободны. Майор поднялся. Выйдя из кабинета, он ещё некоторое время шёл по коридору. Оберст-лейтенант остался один. Он посмотрел на закрывшуюся дверь. Морозов... Несколько секунд он молчал. Потом покачал головой. Майор уже во всём видит врагов. Он посмотрел на часы. Давно пора было домой. Штраус уже несколько месяцев просился на фронт. Как и многие здесь. Все хотели на фронт. Там всё казалось проще. Противник перед тобой. Есть приказ. Есть винтовка. Есть линия фронта. Но кто тогда будет работать внутри России? Кто будет создавать диверсионные группы? Кто будет проникать в тыл? Кто будет разрушать железные дороги, линии связи и склады? Начальник школы раздражённо ударил кулаком по столу. Все хотят на фронт... Он тяжело вздохнул. А кто будет ослаблять врага изнутри? На столе лежала папка. Он снова открыл её. Фамилия была на виду. Морозов. Начальник школы некоторое время смотрел на неё. Потом закрыл папку. Посмотрим, кто ты такой, Владимир Морозов. А тем временем сам Морозов спокойно спал. Он ещё не знал, что в эту ночь его фамилия появилась сразу в нескольких документах. И что утром за ним уже будут наблюдать. Очень внимательно. Но времени на раскачку не было. Россия уже бурлила, словно огромный котёл, поставленный на огонь. Об этом в школе говорили всё чаще. Доносились слухи с фронта, из дипломатических каналов, от прибывающих офицеров. В России что-то происходило. И происходило такое, что даже немецкое командование начинало нервничать. Оберст-лейтенант решил действовать сам. Он прошёл в корпус новичков. Старший курсант, заметив начальника школы, мгновенно вытянулся. Группа готовится ко сну, герр оберст-лейтенант. Происшествий не наблюдалось. Одевайтесь. Курсант на секунду замер. Герр оберст-лейтенант? Вы слышали приказ. Прогулка вам не повредит. Так

точно! Через несколько минут группа уже стояла во дворе. Я не понимал, куда нас ведут и зачем. Но задавать вопросы было глупо. Мы двинулись по улицам Швабинга. Я шёл вместе со всеми и старался запоминать дорогу. Вечерний город жил своей жизнью. Люди спешили по улицам, из окон домов пробивался тёплый свет, где-то слышался смех. Иногда мимо проезжали экипажи. Я почти забыл о подозрениях, которые появились вокруг меня. Почти. Наконец мы остановились возле небольшого особняка. Оберст-лейтенант обернулся. Заходим. Дверь открылась. И слушаем. Он посмотрел на нас по очереди. Учитесь говорить и мыслить так, как они. Вот теперь мне стало интересно. Мы вошли. Меня сразу окутало приятное тепло. После прохладной улицы оно ощущалось особенно хорошо. В доме было несколько человек. Увидев оберст-лейтенанта, хозяева заметно обрадовались. Прошу, проходите! Его пригласили к столу. Нас приняли как бесплатное приложение к начальству. Я старался держаться незаметно. Сел в уголке. И начал наблюдать. Разговор шёл на немецком. Сначала обсуждали войну. Потом экономику. Потом Россию. Чем дольше продолжался разговор, тем сильнее становилось возбуждение присутствующих. Кто-то говорил громко. Кто-то перебивал. Несколько человек одновременно пытались доказать свою правоту. Я молчал. Слушал. Запоминал. И пытался понять, зачем нас сюда привели. Оберст-лейтенант почти не вмешивался. Он словно специально позволял разговору идти своим ходом. Мы должны были слушать. Учиться. Понимать, как разговаривают люди, которым предстоит работать среди русских. Я уже собирался переключиться на другой разговор, когда мой взгляд случайно остановился на одном человеке. Борода. Острое лицо. Глубоко посаженные глаза. Он сидел чуть в стороне и внимательно слушал остальных. Я замер. Сначала решил, что ошибся. Слишком знакомое лицо. Невозможно. Я снова посмотрел. Мужчина повернул голову. Профиль. И тут внутри меня словно что-то щёлкнуло. Не может быть. Я смотрел на него, стараясь не выдать своего удивления. В голове мгновенно начали складываться куски мозаики. Россия. 1917 год. Германия. Школа диверсантов. Разговоры о революции. А теперь этот человек. Я знал это лицо. Исторические фотографии невозможно забыть, если хоть раз внимательно изучал историю XX века. Ульянов. Ленин. Владимир Ильич Ленин. Я медленно опустил взгляд. Вот теперь всё изменилось. До этой секунды я считал, что попал сюда случайно. Сумасшедшая случайность. Непонятный перенос. Чужое тело. Чужая жизнь. Но если передо мной действительно сидел Ленин... Тогда возникал совершенно другой вопрос. Почему именно 1917 год? Я вспомнил всё, что произошло со мной. Инфаркт. Белый потолок. Чужое тело. Немецкая речь. Школа диверсантов. Подготовка к заброске в русский тыл. И теперь Ленин. Я почувствовал, как по спине пробежал холодок. «Вот оно что...» Я снова посмотрел на него. Теперь уже осторожно. Нет. Ошибиться невозможно. Это был он. И вдруг в голове возникла страшная мысль. А что, если меня действительно не случайно забросило именно сюда? Что, если у всего этого есть причина? Что, если я оказался здесь не просто для того, чтобы выжить? Я медленно сжал пальцы. Так вот для чего меня закинуло в этот мир... Но тут же остановил себя. Нет. Рано делать выводы. Я ничего не знаю. Может быть, это просто совпадение. Может быть, передо мной обычный человек, просто похожий на историческую фотографию. Но если это действительно Ленин... Тогда история, которую я знал из учебников, только что перестала быть историей. Я оказался внутри неё. И теперь любая моя ошибка могла изменить не только мою судьбу. Она могла изменить судьбу целой страны.

Глава 2

С осознанием того, что я каким-то образом оказался внутри мировой истории, пришёл и настоящий ужас. До этого я воспринимал происходящее как личную проблему. Чужое тело. Чужое имя. Чужая страна. Первая мировая война. Школа диверсантов. Но теперь всё это приобрело совершенно другой смысл. Я оглядел комнату. Слишком много людей. Слишком свободные разговоры. Слишком много разговоров о России. И главное мы находились здесь по приказу немецкого офицера. Значит, эта квартира явно каким-то образом связана с немецкой разведкой. А если здесь находится Ульянов... Я медленно перевёл взгляд на человека с бород-

кой. Значит, он тоже связан с немцами. В голове моментально выстроилась версия. Его готовят. Его отправят в Россию. Он должен работать там против существующего порядка. И если мои предположения верны, то всё, что я когда-то слышал о нём, приобретало совершенно другой смысл. Я внимательно посмотрел на Ленина. Он говорил громко, эмоционально, почти не давая собеседникам вставить слово. Руки постоянно двигались. Он то вставал, то снова садился. История всё нам простит! горячо произнёс он. А потомки скажут нам спасибо! Я слушал и всё больше убеждался, что оказался в каком-то безумном историческом спектакле. Террор. Революция. Жертвы. Новая Россия. Я решил подсесть поближе. Необходимо было понять, кто его противники. И главное кто здесь настоящий хозяин положения. Рядом со мной оказалась женщина. Я бросил на неё короткий взгляд. Потом посмотрел ещё раз. Лицо показалось знакомым. Очень знакомым. Я начал перебирать в памяти исторические фотографии. И вдруг вспомнил. Иннеса Арманд. Если моя память меня не подводила. Я невольно задержал на ней взгляд. Эта женщина революционерка которая изменила своему мужу с его братом, а потом еще и бросила четверых детей. Во имя этой революции или может быть из за Ленина. Женщина заметила это. Её лицо стало недовольным. Я отвёл глаза. Однако было уже поздно. Я потерял нить разговора за столом. Зато появилась другая мысль. Если она действительно Иннеса Арманд, то через неё я могу узнать гораздо больше. А возможно, и получить доступ к самому Ленину. Мои расчёты оправдались быстрее, чем я ожидал. Вас интересуют молодые революционерки? Я повернул голову. Рядом стоял Ленин. Его картавый голос я теперь слышал совсем близко. Да, ответил я. Особенно русские. Он усмехнулся. А вы с Фридрихом пришли? Да. Стажируетесь? Можно и так сказать. Он снова внимательно посмотрел на меня. Теперь уже оценивающе. А у вас довольно хорошая русская речь. Вы откуда? Вопрос был опасным. Слишком опасным. Но ответ словно сам выскочил из головы. Из Киева. Я сам удивился тому, насколько быстро произнёс это. Видимо, в памяти тела действительно осталась какая-то информация. Ленин прищурился. Ну-ну... Он придвинулся ближе. И как там Киев? Скоро увижу и всё подробно вам расскажу. На лице Ленина появилась заинтересованная улыбка. О как... Он посмотрел на меня внимательнее. А мы что, в одной группе будем? Нет. Я сделал небольшую паузу. Но я почему-то уверен, что наши пути ещё обязательно пересекутся. Ленин усмехнулся. Я снова посмотрел на женщину рядом. Кстати, не представите меня своей спутнице? Ленин демонстративно рассмеялся. Да у нас здесь всё просто! Без представлений и лишней вежливости. Мы идейные революционеры и отбрасываем условности. Я посмотрел на женщину. Потом на Ленина. Значит, она свободна? Вопрос прозвучал прямее, чем следовало. Женщина мгновенно покраснела. Ленин на секунду замолчал. Мы тут, товарищ, произнёс он уже несколько холоднее, не делимся по половым признакам. Я едва не улыбнулся. Конечно. Мы служим идее революции. Я протянул руку женщине. Она после короткого колебания вложила свою ладонь в мою. Я посмотрел на Ленина. Она тоже посмотрела на него. Взгляд у неё был вызывающий. Ленин явно не ожидал такого поворота. Несколько секунд он молча смотрел на нас. Потом всё-таки произнёс: Это Инесса Арманд. Я слегка привстал. Владимир Морозов. И поцеловал её руку. Тоже революционер. Ленин снова рассмеялся. Но теперь смех был немного натянутым. Он подсел ближе к Инессе. Слишком близко. И мне стало окончательно понятно: какие бы идеи ни провозглашались за этим столом, человеческая природа никуда не исчезла. К нам подошла женщина с несколько одутловатым лицом. Она сразу представилась: Надежда Крупская. Морозов. Мы пожали руки. Я посмотрел на неё. С кем вы так горячо спорили? Крупская кивнула в сторону стола. С Плехановым. При этих словах Ленин заметно поморщился. Я уже собирался задать следующий вопрос, когда дверь особняка распахнулась. В комнату буквально вбежал немецкий майор. Он тяжело дышал. Все разговоры мгновенно стихли. Оберст-лейтенант резко поднялся. Что произошло? Майор посмотрел на него. Герр оберст-лейтенант... Он перевёл дыхание. Началось. Что началось? В Петрограде. В комнате стало совершенно тихо. Революция. Я почувствовал, как внутри всё похолодело. Никто больше не говорил. Все одно-

временно повернули головы к вошедшему офицеру. Ленин замер. Крупская тоже. Инесса медленно поднялась со своего места. А я вдруг понял главное. История действительно началась. Не в учебнике. Не на старой фотографии. Не в рассказах ветеранов. Прямо здесь. Передо мной. И я стоял посреди неё, имея сразу две личности и совершенно не понимая, какую из них мне теперь предстоит выбрать. И что мне делать я не знал. Убить Ленина в зародыше революции или помочь ему сотворить ее без ошибок. Но из моих мыслей меня вырвал обер лейтенант. За мной крикнул он и увел в школу диверсантов. События понеслись со скоростью лавины. Ещё вчера я пытался понять, где оказался и почему оказался именно здесь, а сегодня уже стоял в строю вместе с людьми, которым предстояло отправиться в русский тыл. Нас собрали в большой аудитории. Все разговоры стихли, когда в помещение вошёл генерал Эрих Людендорф. Он остановился перед строем и несколько секунд молча смотрел на нас. Господа, наше время пришло. В аудитории стало совершенно тихо. Терять время значит подарить врагу победу. Генерал говорил спокойно, но каждое слово звучало жёстко. В России революция. Государственная система противника рассыпается. Армия деморализована. Солдаты начинают отказываться подчиняться офицерам. Он сделал паузу. Мы должны воспользоваться этим. Я слушал молча. Ваша задача сорвать поставки продовольствия на фронт и тем самым усилить недовольство среди солдат. По залу прошёл едва слышный шёпот. Пусть идут домой. Пусть пахут землю. Пусть оставляют окопы. Генерал повысил голос: Только тот, кто сохраняет способность воевать, способен победить! Он окинул нас взглядом. Вперёд, мои орлы. Помогите русским разрушить то, что они и без нашей помощи прекрасно разрушают. Некоторые солдаты усмехнулись. Я не улыбнулся. Потому что прекрасно понимал: если начнётся настоящий хаос, первыми погибнут вовсе не политики. Обычные люди. Солдаты. Железнодорожники. Крестьяне. Горожане. Те, кто окажется между двумя сторонами. Но приказ есть приказ. Нас быстро собрали и отправили к линии фронта. Началась подготовка. Мы изучали русские паровозы. Конструкцию котлов. Сцепки вагонов. Систему тормозов. Железнодорожные узлы. Изучали расписания. Запоминали расположение станций. Нас учили отличать военные эшелоны от обычных составов. Отдельное внимание уделялось людям. Мы заучивали лица интендантов. Командиров. Железнодорожных чиновников. Начальников станций. Офицеров, отвечавших за снабжение. Я всё это запоминал. Но чем ближе мы приближались к фронту, тем тревожнее становилось у меня внутри. Что делать? Как быть? Вопрос не покидал меня. Я оказался в чужой войне. Причём против людей, которых считал своими. Нам готовили русскую военную форму. Выдали документы. Поддельные удостоверения. Деньги. Карты. Каждому дали легенду. Мы должны были раствориться среди русских солдат. Главная задача разрушить систему снабжения русской армии. На фронте в это время действительно происходило что-то невероятное. Разведка сообщала, что солдаты начали выступать против своих командиров. Где-то уже происходили самосуды. Появлялись солдатские собрания и советы. Солдаты требовали выбирать новых командиров. Старые порядки рассыпались. Но оружие у них пока оставалось. И именно поэтому немецкое командование считало ситуацию особенно опасной. Наша задача заключалась не просто в разрушении железной дороги. Нужно было сделать так, чтобы солдаты окончательно потеряли желание воевать. Чтобы бросили оружие. Чтобы разошлись по домам. В нашей группе было десять человек. Старшим назначили ефрейтора Шнитке. Русским языком он владел лучше остальных, поэтому именно ему предстояло командовать нами на территории России. Я старался держаться ближе к нему. Не потому, что доверял. Просто человек, который хорошо знает язык, в чужом тылу представляет собой особую ценность. Наконец пришёл день. Нам сообщили задачу. Захватить продовольственный поезд. Вывести его с линии снабжения и отогнать в русский тыл. Прямого приказа уничтожить состав не было. Наоборот. Поезд должен был достаться нам целиком. Мы выдвинулись ночью. Шли долго. Очень долго. Никто почти не разговаривал. Оружие было спрятано под шинелями. Русская форма сидела непривычно, но со стороны мы должны были выглядеть как обычные военнослужащие. Я постоянно смотрел

на часы. В какой-то момент впереди показалась линия немецких окопов. Последний участок. Дальше русская территория. Мы дождались подходящего момента и начали переход. Я ожидал выстрелов. Ожидал сигнала тревоги. Осветительных ракет. Но ничего не произошло. Немецкие позиции молчали. Мы пересекли линию фронта. Ещё несколько минут. И мы оказались на русской стороне. Я остановился и оглянулся. В темноте за спиной остались немецкие позиции. Впереди была Россия. Моя Россия. Только теперь я шёл по ней под чужим именем. Шнитке махнул рукой. Вперёд. Мы двинулись дальше. Пассивность немецких войск действительно ослабила русских. Посты попадались редко. Где-то часовые вообще не обращали внимания на проходивших солдат. Мы беспрепятственно углублялись в тыл. Наконец впереди появилась железнодорожная насыпь. Я услышал далёкий гул. Потом увидел огонь. Поезд. Шнитке поднял руку. Все остановились. Он повернулся к нам. Это он. Я посмотрел на тёмный состав. Десять человек. Один поезд. И приказ изменить движение огромной армии. Но у меня внутри появилось странное предчувствие. Слишком легко. Мы прошли через линию фронта. Нас не заметили. Дошли до железной дороги. Теперь перед нами стоял поезд. И вдруг я подумал: А что, если самое трудное начнётся именно сейчас?

Глава 3

У нас было предписание от Эдуарда Брониславовича Кригер-Войновского. Гербовая печать, подпись, официальный бланк всё выглядело настолько убедительно, что даже я, привыкший искать подвох в каждой бумажке, не сразу нашёл бы к чему придраться. Мы прибыли на узловую станцию. Здесь руководил операцией ефрейтор Шнидке. На станции его, правда, встретил человек по имени Георгий Минин судя по всему, начальник или один из старших работников, отвечавших за движение поездов. Шнидке подозвал меня. Морозов. Я. Он говорил тихо, почти беззвучно. Идёшь со мной к начальнику поезда. Будешь прикрывать. Я кивнул. Если что-то пойдёт не так, уходим в тыл к русским. Я посмотрел на него. Не к русским. Шнидке нахмурился. Что? К нашим, поправил я. К своим. Он сморщился от недовольства. Выполнять приказ, Морозов. Так точно. Он отвернулся. А я на секунду задержал взгляд на его спине. Вот оно. Первое препятствие на моём пути. Не русские солдаты. Не начальник станции. Не документы. Человек, который отдаёт мне приказы. Я уже понял, что Шнидке мне не нравился. И, что гораздо хуже, я ему тоже. Мы двинулись к составу. Станция жила своей обычной жизнью. Кто-то таскал ящики, где-то хлопали двери вагонов, слышались голоса, пар из локомотива медленно расползался по рельсам. На первый взгляд ничего необычного. Но я слишком долго прожил в армии, чтобы доверять первому взгляду. Я внимательно смотрел по сторонам. Русские солдаты были расслаблены. Некоторые сидели прямо на ящиках, кто-то курил, двое спорили о чём-то возле вагона. Оружие у большинства находилось при себе, но особой настороженности я не видел. Шнидке шёл впереди. Я держался в двух шагах за ним. Помнишь, что делать? тихо спросил он. Помню. Если начальник начнёт задавать вопросы? Показываем предписание. А если не поверит? Я посмотрел на него. Тогда придётся убеждать. Он усмехнулся. Вот именно. Мы подошли к начальнику поезда. Мужчина лет пятидесяти стоял возле вагона и разговаривал с двумя железнодорожниками. Увидев нас, он замолчал. Шнидке достал документы. Господин начальник? Да. Капитан интендантской службы императора. Прибыли по распоряжению командования. Минин взял бумагу. Развернул. Прочитал первую страницу. Потом вторую. Я смотрел не на него, а на его руки. Спокойные. Но пальцы слегка дрогнули. Он что-то почувствовал. Кригер-Войновский.. пробормотал он министр. Отправить состав на юг? Шнидке кивнул. Совершенно верно. Минин ещё раз посмотрел на печать. Затем поднял глаза. А этот кто? Он смотрел на меня. Я выдержал его взгляд. Владимир Морозов. Откуда? Вот тут мне пришлось сделать паузу. Совсем короткую. Но я её почувствовал. Слишком много вопросов. Слишком быстро. Интенданская служба Генерала Корнилова ответил я. Минин нахмурился. Корнилов? Да. А что вы здесь делаете? Я уже собирался ответить, но Шнидке опередил

меня: Выполняем распоряжение командования. Минин снова посмотрел на него. Я спрашивал его. Я почувствовал, как внутри всё напряглось. Вот теперь начиналось самое интересное. Я посмотрел прямо на Минина. Проверяем состав и порядок отправки. Проверяете? Да. Он несколько секунд молчал. Потом вернул Шнидке документы. Проверяйте. Но уходить не стал. И это мне совсем не понравилось. Только сначала скажите, произнёс он, почему я ничего не знаю об этой отправки? Шнидке ответил не сразу. А я вдруг понял одну простую вещь. Мы пришли сюда слишком легко. Нам открыли дорогу. Нас пропустили. Предписание оказалось достаточно убедительным. Но теперь перед нами стоял человек, который не собирался слепо выполнять приказ. И впервые за всё время я подумал: *А если именно он сейчас спасёт этот поезд?* Я бросил короткий взгляд на Шнидке. Тот уже начал раздражаться. А я вдруг почувствовал странное спокойствие. Потому что впервые за последние дни у меня появилась возможность самому выбирать, что делать дальше. И я ещё не знал, на чьей стороне окажусь в следующую минуту. Но одно я знал точно. Просто выполнять приказы я больше не собирался. Пока Минин спорил со Шнидке, я оказался у него за спиной. Он даже не успел обернуться. Я резко перехватил его, и свернул шею, через несколько секунд он обмяк у меня в руках. Держи его за ноги, тихо приказал я. Шнидке уставился на меня, но спорить не стал. Подхватил Минина за ноги, и мы потащили его к вагону. Тело оказалось неожиданно тяжёлым. Мы с трудом затащили его внутрь и положили на пол. Несколько секунд стояли молча, тяжело дыша. Я выглянул наружу. Никто ничего не заметил. Станция продолжала жить своей жизнью. Где-то хлопнула дверь вагона, кто-то крикнул, загремело железо. Словно ничего не произошло. Шнидке посмотрел на меня. Ты что наделал? прошептал он. Я ничего не ответил. Просто повернулся к нему. Он, кажется, только тогда понял, что происходит. Морозов... Я сделал шаг вперёд. Удар пришёлся точно в горло. Шнидке обмяк и сполз на пол рядом с Мининым. Я несколько секунд смотрел на них. Двое людей. Один начальник узла. Второй мой командир. Бывший командир. Я медленно выдохнул. *Всё. Теперь я сам по себе.* Я присел рядом со Шнидке и проверил, что он дышит. Не дышал. Минин тоже. Я поднялся. Странное ощущение. Ещё несколько минут назад мне отдавали приказы. Говорили, куда идти, что делать, куда возвращаться. Теперь командиров не было. И никто не мог приказать мне, что делать дальше. Я выглянул из вагона. Передо мной лежала вся станция. Русские солдаты. Железнодорожники. Состав. Люди, которые даже не подозревали, что рядом с ними находится группа диверсантов. Я посмотрел на лежащих на полу трупов. Ну и что мне теперь с вами произнёс я. Ответа, конечно, не последовало. Я снова выглянул наружу. И только теперь до меня дошло главное. Я избавился от командиров. Но вместе с ними избавился и от единственного прикрытия. Если меня сейчас раскроют, объяснять всё придётся самому. А значит, следующая ошибка может стать последней. Сняв с Минина и Шнидке верхнюю одежду, я оставил их тела в вагоне и побежал в хвост состава. *Теперь всё в моих руках.* Я прекрасно знал всех из нашей десятки. Шевцов! Маркин! В последний Юрьев! Смакин! Гаврилов! Со мной на паровоз! Остальным махнул рукой. За мной! В первый вагон! Паровоз уже подцепляли к составу. Я вскочил на площадку и забрался в кабину. Машинист посмотрел на меня с явным недовольством. Трогай! Он дёрнул рычаг. Паровоз вздрогнул, тяжело качнул состав и выпустил из трубы густое облако пара. Колёса медленно провернулись. Состав тронулся. Предраассветная тишина раскололась металлическим грохотом. Я смотрел вперёд, пока станция медленно оставалась позади. *Пока всё получается.* Но как только мы вышли из тупика, я приказал: Держим курс на Петроград. Машинист резко повернул голову. Никак нельзя господин офицер! Почему? Маршрутная карта. Нам в другую сторону. Я достал наган и спокойно упёр его ему в шею. Я сказал на север сурово произнес я ему. Машинист побледнел. Но... Гаврилов! Я! Следи за ним. Я передал его своему товарищу и выглянул из кабины. Впереди была железнодорожная развязка. Я увидел рабочих возле стрелки. *Чёрт.* Прыгать на ходу было безумием, но другого выхода не было. Я спрыгнул с паровоза и побежал к стрелочникам. Они увидели офицера, выбежавшего прямо на

них, и замерли. На северную ветку! Рабочие переглянулись. Господин офицер, но... Я поднял наган. На север! Этого оказалось достаточно. Один из них бросился к механизму. Стрелка с тяжёлым металлическим скрежетом перешла в другое положение. Я вскочил обратно на подножку уже уходящего паровоза. Поехали! Состав потянулся на север. Я тяжело выдохнул. Да, это было безрассудство. Мы вполне могли вылететь навстречу другому составу. Но мне невероятно повезло. В столице царила такая неразбериха, что нормальное движение поездов уже само по себе стало проблемой. Революция ломала старые порядки быстрее, чем кто-либо успевал создать новые. А я просто воспользовался этим хаосом. Два дня мы двигались на север. Два дня нервов, остановок, ругани и постоянной импровизации. Иногда я сам не понимал, почему нас ещё никто не остановил. Но поезд шёл. И наконец мы вошли на узловую станцию недалеко от Петрограда. Я уже был совершенно вымотан. Но теперь у меня появился план. *Путиловский завод*. Если мне удастся закрепиться там, у меня будет не просто поезд с продовольствием. У меня будет место. Люди. Оружие. Производство. И главное возможность исчезнуть среди огромного промышленного предприятия. Состав медленно вошёл на территорию завода. Перед нами поднимались десятки труб. Некоторые цеха ещё дымились, но многие стояли почти пустыми. Я спрыгнул на землю. К охране подошёл с улыбкой кто старший ? крикнул я рассматривая завод. Я достал предписание с гербовой печатью о передаче состава в распоряжение ставки царя. Завод переходит под управление Временного правительства. Кричал я размахивая листом с гербовой печатью и не отдавая ее в руке охраны. Охранники переглянулись. Я даже не дал им времени подумать. Гаврилов! Здесь! Принимаешь командование охраной завода. Есть! Юрьев, состав к складам. Начинаем разгрузку. Есть! Смакин, составить опись всего имущества и груза. Понял. Я махнул рукой остальным бойцам. Найти грузовик. Броневик. Вооружиться. Быстро ко мне. Пока мои люди разбегались, ко мне направился управляющий заводом. С ним было трое вооружённых людей. По лицам было видно: уверенности у них не было. Управляющий остановился в нескольких шагах. Господа... кого вы представляете? Я молча поднял перед ним документ. Гербовая печать сыграла свою роль. Даже сейчас она заставляла людей говорить осторожнее. Завод переходит под управление Временного правительства. Он посмотрел на бумагу. Потом на меня. Но... Всем руководителям пройти регистрацию в штабе. Я повернулся: Мишин! Один из бойцов подошёл ко мне. Организуешь штаб. Проведёшь перепись всех руководителей завода. Фамилии, должности, подразделения. И поставишь всех на довольствие. Всё. А если кто-нибудь откажется? Я посмотрел на него. Объяснишь, что теперь мы все работаем на фронт и победу. Зарплату поднимем всем согласно категории. Печи должны работать. Мишин усмехнулся. Понял. Они ушли. А я остался посреди заводского двора. И только теперь позволил себе подумать. *А что дальше?* На этот вопрос ответа у меня не было. Я действовал без плана. Просто двигался вперёд, пока обстоятельства позволяли. Время было золотом. Я помнил историю и мне оставалось только поднять с земли то что упало. Вокруг рушилась старая система управления. Приказы противоречили друг другу. Люди не понимали, кому подчиняться. Одни ждали распоряжений из Петрограда, другие уже сами отдавали распоряжения. В такой обстановке достаточно было говорить уверенно. И выглядеть так, будто ты точно знаешь, что делаешь. Но оставаться в форме царского офицера было уже слишком опасно. А свою шинель портить было жалко. Я посмотрел на шинель Шнидке. Сорвал с неё погоны. Надел. Теперь я выглядел иначе. Не немец. Не прежний царский офицер. А революционер несущий правду в массы. Единственный человек, который пытается разобраться в ситуации на основании своего после знания. Ко мне подогнали две машины. Я забрался в броневик. У меня был завод и продовольствие. Теперь мне нужна была движущая сила. А здесь кроме матросов не внушал мне уважения. Кронштадт, приказал я водителю. Машина тронулась. Я откинулся на сиденье и впервые за последние двое суток закрыл глаза. Но уснуть не получилось. Перед глазами стоял Петроград. Революция. Армия. Временное правительство. И я, человек, который вообще не должен был находиться в этом времени. *Главное сейчас понять, что происходит в*

стране. Потому что дальше наглостью уже можно было не обойтись. Мне требовалась власть. И хотя бы один человек, которому я мог бы действительно доверять.

Глава 4

Но одного человека, которому я мог бы доверять, у меня всё-таки не было. У меня было десять. Мои десять человек из Германии. Я знал каждого из них, знал, на что способен, кто умеет думать, кто хорошо стреляет, кто способен командовать. Оставалось только одно завуалировать настоящие цели. А задача у нас была одна. Прекратить войну. Всё остальное можно было придумать по ходу дела. У ворот Кронштадта нас встретили матросы. Кто такие? спросили они. Свои, ответил я, подходя ближе. Один из матросов внимательно посмотрел на мою офицерскую шинель. В его взгляде было недоверие. Несмотря на революционный хаос, в крепости ещё сохранялся военный порядок. Дозоры стояли на местах, оружие было под контролем, а офицеры пока продолжали выполнять свои обязанности. Из здания вышел ещё один матрос. Кто такой? Я снял фуражку, скомкал её в руке и сделал шаг вперёд. Член Революционного военного совета от Совета рабочих и солдатских депутатов! Матросы переглянулись. Я поднял голос: Товарищи! Я призываю вас присоединиться к революции! Долой самодержавие! Нет войне! Да здравствует свобода! Ко мне начала приближаться толпа. И тут я услышал властный голос: Прекратить! Из здания вышел статный морской офицер. Матросы сразу расступились. По их лицам я понял его здесь уважали. И боялись. Кто вас сюда пустил? резко спросил он. Я шагнул навстречу. Я революционер! Прекратить эти крики! Долой самодержавие! Нет войне! Хотим мира и свободы! Он замахнулся. Я сам сделал шаг вперёд. Арестовать его! крикнул офицер. Но я буквально подставился под удар. Кулак пришёлся мне в лицо. Я почувствовал вкус крови. Размазав кровь по лицу. И тут же закричал: Братушки! Наших бьют! Толпа взорвалась. Дальше всё произошло слишком быстро. Крики. Мат. Толкотня. Кто-то сорвал с офицера фуражку. Кто-то схватил другого. В этой толпе уже никто не понимал, кто прав, кто виноват и кто вообще начал драку. Офицерская форма сама по себе стала поводом для ненависти. Я воспользовался суматохой. Пробирался к офицерам, орудуя финкой которую забрал у офицера колом тех, кто пытался сопротивляться, а матросы подхватывали сдавшихся и уводили. Через час офицеров уже собрали и посадили под охрану. Я поднялся на возвышение. Товарищи матросы! Гул постепенно стих. Революция свершилась! Царская власть пала! Теперь власть должна принадлежать народу! Толпа загудела. Нет войне! Землю тем, кто её обрабатывает! Заводы должны работать на рабочих! Каждому крестьянину по наделу земли. Каждому матросу по кораблю! Кто-то закричал: Ура! Меня подхватили на руки. Я позволил себе улыбнуться. Но когда меня опустили, я поднял руку. Тихо! Толпа постепенно успокоилась. Я отпил воды. Горло пересохло от криков. Ребятунки, революцию ещё нужно удержать! Теперь слушали все. Кто способен удержать оружие? Мы солдаты и матросы. У нас есть дисциплина. Поэтому царским прихвостням не позволим вернуть старый порядок! Ура! Не дадим посадить нового царя! Толпа взревела. Я понимал: сейчас главное не дать этому порыву рассыпаться. Восстанавливаем порядок! Делимся на десятки и сотни. Над сотнями тысячники и комиссары. Каждый отвечает за своих людей! Матросы начали переглядываться. Я продолжил: Да здравствуют свободные матросы! Долой генералов! Толпа снова ответила криками. Через несколько часов у меня уже появилась структура. Десятники. Сотники. Тысячники. А в комиссары я постепенно ввёл своих людей. Сил почти не осталось. Но останавливаться было нельзя. Я отобрал тридцать наиболее дисциплинированных матросов, погрузил их в грузовик и отправился в город. На Путиловском заводе я разместил их в рабочих домах. В ту ночь я впервые за долгое время уснул почти мгновенно. Утром собрал свою команду. Доклад был обнадеживающим. Сотрудники завода переписаны. Работа возобновилась. Пусть не на полную мощность, но завод жил. Основные силы бросили на производство бронепоездов и броневиков. Наш состав с продовольствием уже разгрузили по складам. Я вызвал Гаврилова, Маркова и Шевцова. Переодеваетесь в офицеров. Они переглянулись. Задача? Задача прежняя. Захва-

тить поезд с продовольствием, идущий на фронт, в районе Московского железнодорожного узла. Если получится два состава. Понял. В распоряжение получите матросов. Отправив состав я вызвал управляющего. Сколько на заводе грузовиков? Через некоторое время мне доложили: Товарищ председатель, грузовиков больше ста. Я усмехнулся. Это я удачно зашёл. Мы погрузили в 10 машин продукты и несколько рабочих. И отправились обратно в Кронштадт. У ворот нас остановили. Кто такие? Я даже не стал размениваться на чины. Председатель Революционного военного комитета. Ко мне вышел знакомый матрос Сидельников Михаил. Мы обнялись. Как сам, братуха? Здоров будь! А продукты куда? Я указал на грузовики. Сидельников тут же вызвал интенданта. Машины одна за другой ушли в крепость. Вскоре вокруг нас собрались матросы. Как там в городе? Что нового? Что с революцией. Я посмотрел на них. Революция идёт. Но царский режим просто так не сдаётся. Толпа притихла. Нам пока не время бросаться в бой. Наша задача сохранять выдержку и порядок. А где наши ребята? крикнул кто-то. Из толпы донеслось: Может, ты их царским прихвостням сдал? Я сразу увидел крикуна. Выхватил его из толпы и повалил. Наших быют! крикнул кто-то. Началась суматоха. Но я увернулся от нападавших и пару взмахов ногой остановил их. Я уложил ещё нескольких самых активных зачинщиков и поднялся. Матросы смотрели на меня уже иначе. Сидельников наблюдавший за батальей со стороны подошёл и хлопнул меня по плечу. Я понимал, что руководить такой толпой одному человеку действительно непросто. И нужен авторитетный человек. И я своим показательным боем показал что члены реввоенсовета непростые ребята. Я снова собрал десятников и сотников. Мы армия. Я говорил спокойно. А армия без дисциплины превращается в толпу. Поэтому дисциплина превыше всего. Никто не перебивал. Кто нарушает дисциплину выбывает из наших рядов. Хотите служить старому порядку ваше право. Но среди нас таким места нет. Выводим за ворота и пусть их царь кормит. Меня поняли. Затем я собрал тысячников и комиссаров. Вы отвечаете за своих матросов. Если сотник не справляется меняете его. Если среди матросов появляется человек, способный вести за собой людей, не ждите приказа. Ставьте его десятником. Вопросов было много. Я ответил на все. После этого выбрал два десятка матросов и выдвинулся в город. Цели у меня не было. Пока не увидел банк. Я остановился. *Вот оно.* Броневи́к въехал во двор. Матросы заняли позиции. Я постучал в дверь. Кто там? Представители Временного правительства! Пауза. Керенский! Внутри стало тихо. Мы проводим реорганизацию банка в интересах России и совета рабочих и солдат. Ответа не последовало. Я посмотрел на часы. Даём три минуты! И открываем огонь из пушки. Матросы заняли позиции. Броневи́к повернул башню. Но я сразу крикнул: Товарищи, не бойтесь! Мы не грабители! Сотрудники банка, которые добровольно передадут имущество, продолжат работу. Происходит реорганизация! Дверь открылась. Дальше всё прошло удивительно спокойно. Кладовые открыли. Документы начали оформлять переписывая имущество банка. Грузовики один за другим заполнялись.

Со стороны улицы всё выглядело почти буднично. Матросы стояли в оцеплении. Рабочие грузили ящики. Никто даже не понимал, что именно происходит. Когда последний грузовик был заполнен, мы двинулись обратно к Путиловскому заводу. Но дорогу перекрыли демонстранты. Пришлось свернуть. И тут я увидел Таврический дворец. Толпа двигалась в ту сторону. Это вызвало у меня интерес. К нему! Приказал я. Два грузовика подъехали к зданию. Перед входом толпился народ. Шли споры, выступления, голосования. Мне всё это было неинтересно. У меня два грузовика с деньгами. Я уже поставил ногу на подножку, когда увидел знакомое лицо. Александр Керенский. Толпа буквально трепала его. Он пытался что-то объяснить, но мундир отделял его от рабочих словно стена. Я спрыгнул. Протиснулся через толпу. И встал перед ним. Товарищи! Крики немного стихли. Мы делаем революцию сообща! Нам нужно правительство! Ко мне рванулся какой-то мужик и попытался ударить. Я увернулся, перехватил его и перебросил через себя. Толпа загудела. Братцы! крикнул я. Не дадим провокаторам загубить революцию! Я поднял кулак. Долой самодержавие! Да здравствует равен-

ство! Даёшь достойную зарплату! Даёшь дешёвый хлеб! Людям нужны были слова и показатель силы и они получили это. Я намеренно переводил разговор с одного предмета на другой. И это сработало. К нам подошли матросы и окружили меня. Мы пробились к дверям Таврического дворца. За дверями Керенский крепко пожал мне руку. Вы из какой партии? Я оглянулся. Вокруг были матросы. Я из совета матросских депутатов. А вы? спросил я. Он на мгновение замешкался. Я возглавляю Временное правительство. Я посмотрел на него. И что вам нужно? Помощь матросов для наведения порядка. Я усмехнулся. Нет. Матросы слишком заметны. Но охрану я вам обеспечу. Мы вышли наружу. У дворца по-прежнему кипела толпа. Я направился к грузовикам. И тут заметил организованную группу солдат. Подошёл. Откуда, ребяташки? Навстречу вышел офицер без погон. Капитан. Это оказались солдаты Петроградского гарнизона. Я быстро понял их положение. Призванные в место убывших и брошенные на произвол революции. Именно такие части в те дни оказались в центре происходящего: люди были вооружены, но на довольствие не принятые. Они находились между фронтом и тылом, не понимая, что будет дальше. Я посмотрел на капитана. Следуйте на место дислокации. Куда? В гарнизон. Вас вывезут и поставят на довольствие. Он переглянулся со своими солдатами. И согласился. Для меня это был настоящий подарок. Большая группа вооружённых людей, готовых подчиняться новой власти. Мы вернулись на завод. Грузовики разгрузили. Я приказал провести полный учёт денег и ценностей. А затем отправил машины в Петроградский гарнизон. Теперь начиналось самое интересное. Мне предстояло превратить всё это в систему. Потому что революцию можно было начать толпой. Но удержать её одной толпой было невозможно.

Глава 5

Разместив гарнизон в казармах завода, я собрал солдат и выстроил их. Десятичная система управления была простой и понятной. Десятки, сотни, тысячи. Пока десятниками и сотниками я назначил офицеров из числа тех, кто сохранил дисциплину и не был связан с прежним режимом. Мне нужны были не красивые лозунги. Мне нужны были люди, которые умели командовать. Наутро я отобрал десяток бойцов. Во главе поставил капитана. Со мной поедете начинаем комендантскую службу объявил я бойцам. Мы погрузились в машины и отправились к Таврическому дворцу. У ворот я расставил бойцов с красными околышами на шапках. Митингующие отнеслись к нам неожиданно дружелюбно. Я быстро расставил посты. Один у главного входа. Другие на лестницах и этажах. Отдельный пост возле кабинетов руководства. Я как раз закончил, когда ко мне подошёл Керенский. Здравствуйте, Владимир Владимирович! Он крепко пожал мне руку. Здравствуй, Александр Фёдорович. Я показал ему расстановку. Смена караула каждые несколько часов. Люди должны знать не только пост, но и кому они подчиняются. Керенский оглядел коридор. На его лице появилась почти детская улыбка. Боже мой... Что? Государственность возвращается! Я усмехнулся. Пока только караул. Он рассмеялся и потянул меня за собой. Пойдёмте. Нужно поговорить. Мы вошли в его кабинет. Керенский закрыл дверь. Нас уже признали Франция и Великобритания! Он выглядел довольным. Вас это кого? спросил я. Он удивлённо посмотрел на меня. Как это кого? Царя нет. А мы новое правительство России. Керенский на секунду замолчал. Временное правительство. А-а...Я сел. То есть вы теперь власть в России? Именно. А царь? Керенский усмехнулся. Завтра, скорее всего, он подпишет отречение. После этого мы сможем решить вопрос о форме правления. Республика? Именно. Я задумался. Историю я помнил кусками. Знал, что царская семья исчезнет со сцены. Но где именно она окажется, кто и когда примет окончательное решение, чем всё закончится... Вот этого я не помнил. И чем дольше я смотрел на Керенского, тем сильнее понимал: история ещё не стала прошлым. Она происходила прямо передо мной. В кабинет постоянно заходили люди. Кто-то приносил документы. Кто-то докладывал. Кто-то спорил. Государственные дела постепенно вытеснили меня из разговора. Я не стал мешать. Просто наблюдал. А потом увидел печать Временного правительства. И у меня появилась идея. Пока никто не смотрел, я взял несколько чистых листов. Печать уже была рядом. *Бумага в такие*

времена иногда стоит больше, чем пуля. Я сделал несколько заготовок. Оставалось дожидаться Керенского. Через некоторое время он наконец освободился. Извини, брат, устало сказал он. Государственные дела извели меня до конца. Ничего. Он хлопнул меня по плечу. Пойдём. Я тебя чаем напою. Мы отправились в буфет. Нам накрыли ужин. Некоторое время мы молчали. Потом я спросил: Что будешь делать с фронтом? Керенский удивлённо вскинул брови. С фронтом? Да. Он помолчал. У меня обязательства перед Антантой. Мы должны удерживать фронт. Здесь нельзя давать слабины. Если начнём отступать, нас просто сомнут. Согласен. Я сделал паузу. Но зерно сомнения закинул. Ослабь фронт там, где это возможно. Произнес я заговорческий. Керенский нахмурился. Объясни. Немцы тоже не железные. Пусть забирают украинские территории, если им так хочется. А мы удержим свои земли. Он долго молчал. И что это даст? Сократится протяжённость фронта. Немецкие части растянутся. Их снабжение усложнится. Зима ударит по всем. А у нас появится время перегруппироваться. Керенский задумался. Рискованно. Война вообще вещь рискованная. Я отпил чаю. И ещё добавил я спихнем все на военных. Ты будешь во всем ни при чем. Что? Не расслабляйся. Среди военных что-то назревает. Керенский сразу перестал улыбаться. Почему ты так думаешь? Слишком много вооружённых людей. Слишком мало власти. И слишком много генералов, привыкших отдавать приказы. Он наклонился ко мне. Голос его стал тише. Владимир... Я посмотрел на него. Я и сам этого боюсь. Я усмехнулся. Тогда давай сделаем так. Что именно? Ты получаешь от царя необходимые бумаги. Керенский насторожился. Какие? Документы, связанные с царской семьёй. Отречение от власти и передачу временному правительству полномочий. Но только не военных. Он молчал. А своему Бубновскому прикажи очистить мне дорогу от Царского Села до Казани. Керенский медленно поставил чашку. До Казани? Да. Зачем? Я посмотрел ему прямо в глаза. Царскую семью надо спрятать. Он побледнел. Владимир Владимирович... Пока они здесь, вокруг них будет борьба. Одни захотят их использовать, другие судить, третьи убить. И ты предлагаешь... Увезти их туда, где их никто не найдёт. Керенский долго молчал. И выдай мне приказ - бумагу на чехословацкого гарнизона. Для передислокации. Какой передислокации? Спросил он растерянно. Моей ответил я фронт сдвинется и нам нужна вторая линия обороны. Вспомни Пушкина. Скажи ка дядя ведь не даром Москва французам отдана. Он смотрел на меня уже совсем иначе. Я продолжил: И ещё одно. Сзови военный совет. Когда? Как можно скорее. Зачем? Собери всех генералов в Думе. Керенский нахмурился. И что ты будешь с ними делать? Я улыбнулся. Поговорю. Он несколько секунд смотрел на меня. Ты понимаешь, что собираешься сделать? Примерно. Владимир... Александр Фёдорович, перебил я его, сейчас у нас есть несколько часов, пока остальные спорят о том, кто имеет право управлять Россией. Я поднял чашку. А мы пока сделаем так, чтобы этой России вообще было чем управлять. Керенский ничего не ответил. Только смотрел на меня. И по его взгляду я понял: впервые за всё время он начал всерьёз бояться не генералов и не революционной толпы. Он начал бояться того, что я действительно могу осуществить всё, о чём говорю. Сделав свои дела в Думе, я решил не исчезать. Наоборот. Мне нужно было быть на виду. Поэтому я отправился в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Если сейчас начать прятаться, можно было самому себе создать врагов. В революции человек, которого никто не видит, быстро становится подозрительным. Я переоделся в кожаную тужурку и надел шапку с красным околышем. В таком виде я уже не выглядел царским офицером. Скорее наоборот. Я выглядел человеком, который имеет какое-то отношение к новой власти. В коридорах Совета было шумно. Кто-то спорил, кто-то кричал, кто-то бегал с бумагами. И вдруг я увидел знакомое лицо. Я остановился. *Не может быть...* Я напряг память. Вильгельм. Агент германской разведки из нашей первой группы. И тут в памяти всплыло настоящее имя. *Миша Савин.* Он тоже меня заметил. На секунду наши взгляды встретились. И Миша тут же отвернулся. *Вот ведь хитрый гад.* Он попытался уйти в другой коридор. Но играть с ним в догонялки мне было некогда. Я догнал его у поворота. Два быстрых движения и он оказался прижат к стене. Ты что, Миша?

прошептал я ему на ухо. Друзей не признаёшь? Он замер. Тише... Вот и я говорю тише. Я быстро обезоружил его. Пойдём. Куда? Поговорим. На улице он увидел моих людей и заметно расслабился. Чёрт... Узнал? Узнал. Я усмехнулся. Тогда поехали. Мы отправились на Путиловский завод. Когда Миша увидел, что я там устроил, он некоторое время просто молчал. Казармы. Охрана. Матросы. Грузовики. Цеха. Склады. Бронепоезд. Всё это уже выглядело не как случайная группа людей, а как небольшая самостоятельная структура. Ты молодец, наконец сказал он. Я пожал плечами. Учиться надо. Быстро ты поднялся. Времена такие. Он оглядывался по сторонам. Я внимательно следил за его реакцией. Мне было важно не то, что он думает обо мне сейчас. Мне было важно, что он скажет там. В Германии. Если Миша сообщит, что Морозов не погиб, а наоборот создал собственную структуру в Петрограде, это может изменить отношение ко мне. А главное моё имя должно было звучать как можно выше. Теперь я командир группы, сказал я как бы между прочим. Миша посмотрел на меня. А Шульц? Я выдержал паузу. Пал в бою. Он кивнул. Больше ничего не спросил. Вечером Миша уехал. Я так и не узнал, каким именно каналом связи он будет передавать информацию. Но это уже было неважно. Главное информация уйдёт. И пусть там думают, что хотят. Через несколько дней прибыли два состава с продовольствием. Один я загнал в Кронштадт. Матросов отправил на ближайшие военные склады, захватить оружие и продовольствие. В это же время со стапелей вышел первый бронепоезд. Началась погрузка боеприпасов. Гаврилова я назначил комиссаром бронепоезда. Маркина и Шевцова отправил пассажирским поездом в Москву. Я выдал им документы с печатью. Временного правительства. С предписанием Чехословацкому корпусу пере дислоцироваться в Казань. А также предписание о передаче состава с продовольствием в распоряжение Временного правительства. Поняли. И ещё. Я протянул вторую бумагу. Предписание на беспрепятственный проезд до Петрограда с подписью Бубликова. Который курировал все железнодорожные сообщения. Шевцов усмехнулся. С такими бумагами нас, пожалуй, сам царь пропустит. Вот и не проверяйте. Они ушли. Когда бронепоезд был полностью загружен, я сформировал состав. Сто матросов. Оружие. Продовольствие. Боеприпасы. Я собрал их перед отправкой. Царское Село. Матросы слушали внимательно. Ваша задача принять объект под контроль и разоружить охрану. Я сделал паузу. При появлении императора , семью загрузить в вагон и действуете согласно дальнейшему приказу который узнаете в пакете. А для всех вы выдвигаетесь в сторону Рязани. Главное было другое. Я отдельно приказал обеспечить сохранность имущества.

Всё ценное, императорской семьи, должно было быть описано и передано под контроль. Бронепоезд тронулся. Я проводил его взглядом. Теперь оставалось надеяться, что мои люди не наделают глупостей. После этого я снова отправился в Таврический дворец. Проверил смену караула. Всё работало. Посты стояли. Люди менялись вовремя. Порядок постепенно возвращался. И тут в зал внесли три ящика с патронами и несколько пулемётов. Депутаты встретили это аплодисментами. Я стоял в стороне и наблюдал. *Ну всё.* Я позволил себе едва заметную улыбку. *Первый этап моей революции выполнен.* Теперь у меня были люди. Оружие. Производство. Продовольствие. Связи. Документы. И, что самое главное, имя, которое начинало становиться известным. Но сидеть в Петрограде дальше было нельзя. Слишком много глаз. Слишком много людей. Слишком много вопросов. Мне нужно было увидеть, что происходит на фронте. Я вышел из Таврического дворца, сел в машину и приказал: На вокзал. С окна поезда я смотрел на удаляющийся Петроград и думал только об одном: *Теперь начинается самое сложное.* Революцию можно было начать в столице. Но удержать страну предстояло там, где всё ещё стояли солдаты с винтовками.

Глава 6

Самым быстрым способом добраться до фронта оставалась железная дорога. Я сел на поезд и рассчитывал добраться хотя бы до ближайшего участка, где уже шли боевые действи-

я. Но далеко уехать не получилось. На одной из станций железнодорожное сообщение с фронтом было перекрыто. Военные проверяли документы, и очередь двигалась медленно. Я уже приготовился объяснять, куда и зачем направляюсь, но тут вспомнил о бумаге, которую получил от Временного правительства. Достал её из папки и протянул офицеру. Он внимательно прочитал документ, посмотрел на печать, потом ещё раз на меня. Проезжайте. Я убрал бумагу. Благодарю. Поезд снова тронулся. Я успел расслабиться буквально на несколько часов. Немецкая разведка работала прекрасно. На следующей станции поезд остановили уже совсем по другой причине. В вагон вошли несколько офицеров. Я сразу понял, что приехали они именно за мной. Один из них отступил в сторону, и в вагон вошёл человек, которого я узнал мгновенно. Эрих Людендорф. Я поднялся. Здравствуйте, генерал! выкрикнул я почти по-военному. Он подошёл ко мне, похлопал по плечу и усмехнулся. Gut, gut, Hans. Очень хорошо. Мы о тебе уже слышаны. Я промолчал. Людендорф посмотрел на меня внимательнее. Если честно, мы на тебя не ставили. Признаю. Ты нас удивил. Он сделал паузу. И как я понимаю, германское финансирование тебе теперь не требуется? Я посмотрел ему прямо в глаза. Возможно, мои планы немного изменились. Генерал нахмурился. Вот как? Да. Я достал из папки один лист и протянул ему. Людендорф развернул бумагу. Несколько секунд он молча читал. Что это? Воззвание к войскам. С каким содержанием? Бросать позиции. Отходить с фронта. Людендорф поднял глаза. Ты предлагаешь русской армии отступить? Я предлагаю ей прекратить войну с Германией. В вагоне стало тихо. Я продолжил: У меня появились довольно тесные связи с Временным правительством России. Оно готово отвести войска на новую линию обороны. И я считаю, что революция в России продлится не несколько месяцев. Слишком много противоречий. Думаю, минимум три года. Людендорф медленно сложил лист. Я сделал шаг к нему. Но мне нужны гарантии. Какие? Германские войска не входят в Петроград и Москву. Он ничего не ответил. Временное правительство готово отвести войска к границам русских земель, продолжил я. Германия получает контроль над Украиной, Белоруссией и Литвой. При этом Россия не будет препятствовать торговле и поставкам сырья на территории, которые окажутся под немецким контролем. Людендорф нахмурился ещё сильнее. А если Германия захочет развивать там промышленность? Я не вижу в этом препятствия. Он несколько секунд смотрел на меня, потом неожиданно взял под руку. Пойдём. Куда? В Берлин. Я понял, что разговор закончился. И начался другой. В вагоне я наконец позволил себе выспаться. Дорога до Берлина прошла почти незаметно. Утром меня сразу отвезли в штаб. Я вошёл в большой зал. Несколько генералов уже сидели за столом. Я поздоровался и остановился. Никто не предложил мне сесть. Значит, ждали. Наконец Людендорф заговорил: Расскажите о своём плане, Ганс. Я оглядел присутствующих. Вот теперь надо было говорить очень осторожно. У меня есть серьёзные позиции во Временном правительстве России. Я выступаю как официальное лицо, имеющее возможность влиять на принимаемые решения. Я сделал небольшую паузу. Моё предложение простое. Россия отводит войска до новой линии обороны. Германия получает возможность установить контроль над Украиной, Белоруссией и Литвой. За столом кто-то нахмурился. Я продолжил: Взамен Германия обязуется не предпринимать наступление на Петроград и Москву в течение ближайших трёх лет. Людендорф внимательно слушал. Выгода очевидна. Германия высвобождает войска для Западного фронта. Россия получает время разобраться с революцией и восстановить государственное управление. А поставки ресурсов? спросил другой голос. Я повернул голову. Генерал Пауль фон Гинденбург. Временное правительство не станет препятствовать торговле, ответил я. Железнодорожное сообщение сохранится. Уголь и железная руда смогут поступать по железным дорогам к крупным промышленным центрам. То есть вы предлагаете нам экономический доступ к территориям? Именно. Я сделал шаг вперёд. Но у меня есть ещё одно предложение. Теперь все посмотрели на меня. Какое? У меня есть контакты во французской разведке. Я намеренно сделал паузу. Французы опасаются усиления германской подводной войны и возможных ударов по британским коммуникациям. Если Германия сможет

объединить действия флота и авиации, британский флот может понести серьёзные потери не выходя из портов. А с потерей флота Англии. Америка сильно задумается с вступлением союза с ними. Я не стал углубляться в детали. Мне было важно другое. После ослабления Англии и Франции Германия получит возможность сосредоточиться на восточном направлении уже совершенно с другой позиции. В комнате повисла тишина. Я посмотрел на Людендорфа. И наконец, у меня есть ещё один козырь. Какой? Российская императорская семья. Несколько генералов переглянулись. Я могу получить возможность контролировать их тайное нахождение в моей власти, сказал я. Возможно, через три года этот фактор станет решающим. Теперь никто не улыбался. Я понимал: именно этого момента они и ждали. Не территории. Не железной дороги. Не угля. А человека, который способен изменить ситуацию одним документом или одним решением. Людендорф первым нарушил молчание. Интересно. Гинденбург медленно откинулся на спинку кресла. Очень интересно. Я стоял молча. Через несколько секунд Людендорф поднялся. Ты молодец, Ганс. Я ничего не ответил. Всё сказанное тобой будет рассмотрено. Сейчас возвращайся в Россию. В Россию? Именно. Там ты нужнее. Он протянул мне руку. Я пожал её. Мы примем решение и сообщим тебе. Я кивнул. Через несколько часов я снова был в дороге. Только теперь я ехал обратно в Россию с совершенно другим ощущением. Я приехал в Берлин человеком, которого германская разведка считала одним из своих агентов. А уезжал оттуда человеком, которого теперь должны были рассматривать как самостоятельного игрока. И это было гораздо опаснее.

Глава 7

Потому что теперь в игру вступили генералы. Мой план сработал. Немецкий штаб принял мое предложение, и теперь я снова ехал в сторону России. Документ с печатью Временного правительства оказался именно тем пропуском, который мне был нужен. Пограничники едва взглянули на него, сверили печать и молча пропустили меня дальше. В Бресте меня уже ждал Михаил Савин. Здравствуй, Владимир, произнес он сдержанно. Здравствуй, ответил я, пожимая ему руку. Мы отошли подальше от вагона. Савин оглянулся по сторонам и только после этого заговорил: Моя группа поступает в твое распоряжение. Это сколько человек? Десять. Хорошо. В ближайшее время мне потребуются половина. Обижаешь, развел руками Михаил. Наш выпуск был лучшим в диверсионной школе. Я усмехнулся. Тогда выбери пятерых. Но есть одно обязательное условие все должны уметь ездить верхом. С этим проблем не будет. Мы прошли по перрону и сели в вагон. Я передал ему воззвание к солдатам от временного правительства о прекращении войны и возвращении домой. Передашь в войска когда услышишь впечатляющее событие. Какое спросил он. Ты поймешь это когда узнаешь сказал я. Больше я ничего ему не объяснял. Делился своими планами я не хотел. Чем меньше людей знало всю картину, тем меньше была вероятность, что кто-нибудь случайно или намеренно разрушит мой замысел. Разговаривать нам было больше не о чем. Я устроился у окна и вскоре уснул. Впереди меня ждала работа. И революция. Петроград бурлил. Город словно чувствовал приближение чего-то огромного и необратимого. На улицах спорили солдаты, рабочие, чиновники. Газеты менялись едва ли не каждый час. Одни требовали немедленных перемен, другие призывали сохранить порядок. Я встретился с Керенским. Он выглядел уставшим, но говорил быстро. Военный совет созван на пятое марта. Я кивнул. Меня устраивает эта дата. Он внимательно посмотрел на меня. Ты что-то задумал? Я просто хочу быть готовым. Этого ответа ему пришлось достаточно. Мой гарнизон охранял Таврический дворец, поэтому доступ внутрь для меня не представлял особой сложности. Под видом ящиков с патронами я заранее занес туда необходимые материалы и разместил их в заранее выбранных местах. Теперь оставалось только ждать. Но одновременно я продолжал следить за второй частью своего плана. Бронепоезд из Царского Села прибыл к Путиловскому заводу. А императорский состав прибыл в Казань туда доставили людей, которых официально должны были считать царской семьей. На самом деле всё было сложнее. Настоящую царскую семью вывезли тайно. Их след должен был исчезнуть. Поезд с

подставными людьми проследовал дальше, в сторону Казани. Там их разместили в подвалах завода. Доступ к ним имел только один человек мой агент Константин Макаров. Я дал ему простой приказ: Никого не подпускать без моего разрешения. Ни документов, ни разговоров. Если кто-нибудь потребует объяснений ты отвечаешь только за охрану. Понял. Тем временем ситуация вокруг Казани менялась. Чехословацкий корпус взял город под охрану. Для большинства это было просто очередным событием в хаосе, который охватил страну. Для меня ещё одним элементом плана. Я достал из кармана часы и посмотрел на стрелки. До пятого марта оставалось совсем немного. Я прекрасно понимал: после этой даты события начнут развиваться настолько быстро, что остановить их уже будет невозможно. И именно поэтому мне нельзя было ошибиться сейчас. Ни в одном шаге. Отдохнув я приехал в Таврический Дворец. Все жужжали, бегали, спорили и что-то делали. По коридорам Таврического дворца сновали офицеры, депутаты, посыльные. Где-то хлопали двери, где-то раздавались громкие голоса. Казалось, сам дворец жил отдельной жизнью. Едва я появился в коридоре, как меня сразу нашёл Керенский. Ты где был?! налетел он на меня с вопросами. Я тебя по всему городу искал! Ты вообще понимаешь, что здесь творится? Весь генералитет собрался. Войск нагнали столько, что того и гляди объявят военную диктатуру! Я молча выслушал его. Ко мне уже приходили парламентарии, продолжил Александр. Предложили сделку. Говорят, что готовы договориться, если мы... Подожди, Александр. Я остановил его жестом. Давай по сути. И не здесь. Я взял его под руку и увёл в сторону. Мы спустились в подвал дворца. Здесь было тише, но спокойнее мне от этого не стало. Слишком много людей вокруг. Слишком много ушей. Я уже научился чувствовать присутствие разведки даже тогда, когда не видел её представителей. Иногда достаточно было слишком внимательного взгляда случайного человека или офицера, который слишком долго стоял у двери. Мы остановились в каменном коридоре. Теперь говори. Керенский огляделся. Они требуют передать им часть полномочий. Говорят, что только армия способна восстановить порядок. А чего они хотят на самом деле? Александр помолчал. Власть. Вот именно. Я посмотрел ему прямо в глаза. Всё хорошо. Не бойся. Какое ещё «не бойся»? нервно усмехнулся он. У нас вокруг дворца солдаты, генералы требуют решений, депутаты торгуются между собой... Завтра я выставлю пять тысяч штыков. Он замолчал. Пять тысяч? Пять тысяч. Я говорил спокойно, будто речь шла о совершенно обычном деле. Для меня обещания данные в это беспорядочное время ни чего не стоили. Они увидят, что у правительства есть сила. После этого разговаривать с нами будут иначе. Керенский немного успокоился. Но я в этот момент смотрел не на него. Я смотрел на выход. И вдруг понял одну простую вещь. Живым меня отсюда не выпустят. Пока я ездил в Германию, ситуация изменилась. Военные успели прийти в себя и начали устанавливать собственные порядки. Им Россию буквально преподнесли на блюде. Приходи и бери. Сначала они разогнали Советы рабочих и солдатских депутатов. Затем принялись за Временное правительство. Я сжал челюсть. Если бы среди них был один человек, способный объединить всех вокруг себя, всё могло закончиться ещё быстрее. Но именно этого у них не было. Каждый генерал видел Россию по-своему. Каждый считал себя достаточно сильным, чтобы диктовать условия остальным. А пока они спорили между собой, страна продолжала разваливаться. Я посмотрел на Керенского. Александр, сейчас главное не дать им возможности объединиться. А если они всё-таки договорятся? Я медленно выдохнул. Тогда нам придётся действовать раньше них. Сверху послышались шаги. Мы оба замолчали. Кто-то остановился прямо над лестницей. Я посмотрел на Керенского, затем на дверь. В подвале стало тихо. Слишком тихо. И я вдруг понял, что наш разговор закончился. Теперь начиналась настоящая игра. Александр сказал я иди домой.

Глава 8

Я предчувствовал такое развитие событий и заранее приготовил себе тайный убежище. Сдвинув несколько досок, я проник в подполье и замер, стараясь не издать ни звука. Сверху раздавался топот сапог. Искали меня. По шуму я понял, что военные прочёсывают здание.

Но время работало против них. В моём тайнике был запас воды и продуктов примерно на пять дней. Этого должно было хватить. Таврический дворец тем временем оказался в двойном кольце охраны. Бастующие рабочие не торопились штурмовать здание. А военные давили на Временное правительство, рассчитывая заставить его капитулировать без боя. Я сидел в темноте и ждал. Потом всё стихло. Слишком резко. Я понял началось. Сдвинув доски, я выбрался из подполья и осторожно прошёл в коридор. Солдаты уже вывели за пределы здания большую часть гарнизона. Именно этого я и опасался. Любой свидетель становился проблемой. Царь исчез. Временное правительство, которое Антанта продолжала воспринимать как государственную власть России, оказалось фактически в руках военных. Но что делать с этой властью дальше, они, похоже, сами не знали. А значит, у меня оставался последний ход. Я выждал сутки. Дождался пока в коридорах установилась тишина. Поднялся на верхнюю балюстраду, где находились люстры и свечные полки. Там заранее были приготовлены ящики со взрывчаткой и горючими материалами. Я проверил запал. Оставалось ждать. Когда момент наступил, я поджёг шнур и быстро спустился вниз. Схватив ручной пулемёт я занял место у входа в зал. Внутри продолжались крики. Ораторы перекрикивали друг друга, каждый пытался доказать толпе, что именно он знает, как спасти Россию. А потом раздался взрыв. Грохот потряс весь дворец. Крики мгновенно сменились паникой. Двери распахнулись, и люди хлынули наружу. Я открыл огонь короткой очередью создав затор в проеме двери, пытаясь остановить напор. Двери были заблокированы телами. Раздался еще один взрыв и пламя охватило весь зал заседаний Таврического дворца. Но толпа оказалась сильнее. Люди бежали на меня, от ужаса, который обрушился на них со всех сторон. Я продолжал стрелять, пока пулемёт не замолчал. Патроны не закончились. А толпа уже двигалась прямо по мне. Я пригнулся, закрыл голову руками, но понял, что ещё секунда и меня просто затопчут. Пришлось подняться. Я ухватился за первых попавшихся людей и вместе с потоком оказался втянут в коридор. Меня понесло человеческой массой к выходу. Но и тут я не бездействовал. Достав кортик я не разбираясь кто это колол в шею финкой всех золотопогонников. И только когда лицо обдало морозным воздухом, я понял, что выбрался. Но расслабляться было нельзя. Меня знали. Меня искали. На свои базы я возвращаться не собирался. Я свернул в тёмный переулок и стал ждать подходящего момента. Наконец появился человек примерно моего роста. Он шёл вместе с другими, но, заметив движение из-за угла, остановился. Я рванул его в сторону. Остальные в испуге бросились бежать. Я посмотрел на него и, несмотря на всё происходящее, не удержался от усмешки: Мне нужна твоя одежда. Фраза прозвучала настолько нелепо в этой ситуации, что на мгновение мне самому стало смешно. Эта фраза была из фильма Терминатор. Убивать его я не собирался. Мне и без того хватало крови на одежде. Через несколько минут я уже выглядел совершенно иначе. Я направился к вокзалу. Там находилась явочная квартира немецких диверсантов. Михаил открыл дверь и, увидев меня, даже не поздоровался. Только посмотрел с каким-то странным выражением лица. Так это ты сделал? Весь город в ужасе. Взорвали весь генералитет и парламент. Я улыбнулся. Начинаем операцию. Я собрал людей. Вперёд. По всем полкам с декларацией Временного правительства. Кричите одно: «Отступаем! Войне конец! Все генералы убиты! Наступил сепаратный мир! Украина отходит Германии!» Люди сорвались с места. Один за другим диверсанты покинули квартиру. Я дождался, когда ушёл последний. А потом попытался исчезнуть. Именно здесь я совершил ошибку. Я недооценил русскую разведку. Не смотря на потерю руководства. Военная машина продолжала работать. На вокзале меня взяли. Допрос начался почти сразу. Признавайся, немецкий шпион? Я молчал. Кто тебя послал? Молчал. Побой продолжались. Я понимал: любое признание означает расстрел. Поэтому повторял одно и то же: Я брат Николая Романова, императора России. Сам не знал, сколько ещё смогу это повторять. А потом дверь открылась. Меня били и я терял сознания. Реальность потеряла очертания. И где то в бреду я увидел. В комнату вошёл человек с острым лицом и короткой бородой. Я сразу его узнал. Ленин. Он посмотрел на меня. Я посмотрел на

него. На несколько секунд мы просто молчали. Я улыбнулся. Он тоже меня узнал. В его взгляде мелькнуло что-то, чего я не ожидал увидеть. Он мог избавиться от меня как от ненужного свидетеля. Но почему-то не сделал этого. Ленин подошёл ближе и тихо произнёс: Держись от Инессы подальше. Я несколько секунд смотрел на него, а потом расхохотался. Смех был нервным, почти истерическим. Но это был смех человека, который понял: я выжил. Это были галлюцинации. Я сделал то, что задумал. Я действительно изменил историю. Следующая неделя прошла как в тумане. Побои закончились. Из арестованных в камере в конце концов остался только я. Когда я впервые вышел во двор, мне пришлось опираться на палку. Солнце уже светило по-весеннему ярко. Я остановился и поднял лицо к небу. После тёмной камеры этот свет казался почти невероятным. На улицах развевались новые транспаранты. «Вся власть Советам!» Я долго смотрел на эти слова. И улыбался. История действительно изменилась. Только теперь я оказался никому не нужен. Меня бросили практически на произвол судьбы. Старый надзиратель почему-то решил присматривать за мной. Возможно, он действительно пытался таким образом замоливать собственные грехи. Он приносил воду, еду, помогал мне подняться. Торопиться тебе некуда, говорил он. Отлежись. Я не спорил. Моё молодое тело постепенно восстанавливалось. Я никуда не спешил. Впервые за долгое время мне действительно хотелось просто сидеть на весеннем солнце и смотреть, как вокруг меня меняется Россия. Я сделал свой ход. Теперь пришло время узнать, какую цену история заставит меня за него заплатить. История уже свершилась. Теперь мне оставалось только одно вписаться в неё, чтобы не оказаться за её бортом. Единственным местом, где меня действительно ещё ждали, оказался Путиловский завод. Когда я наконец приплёлся туда, охрана сразу выставила передо мной штыки. Кто такой? Покажи мандат. Я промолчал. Стоял и смотрел на завод. На своё детище. Хотя, если быть честным, моей заслуги здесь было немного. За то, что завод пережил всю эту бурю и продолжал работать, следовало благодарить прежде всего немецкую педантичность и их врождённое чувство порядка. Мои немецкие агенты работали не покладая рук. Завод практически не пострадал. Более того он работал на полную мощность. Куда бы я ни посмотрел, из труб валил дым. Цеха гудели, по территории двигались рабочие, где-то гремел металл. Я смотрел на всё это и, наверное, выглядел как сумасшедший. Один из охранников заметил моё состояние и вызвал старшего. Тот подошёл, долго смотрел на меня. Но и он не узнал в худом, измождённом человеке с чёрными от синяков глазами своего командира. Позовите Гаврилова, хрипло произнёс я. Этого оказалось достаточно. Старший резко изменился в лице. Командир?.. Через несколько минут меня уже подхватили под руки. Дальше я почти ничего не помнил. Очнулся я в больнице. Чистая белая простыня. Запах лекарств. Тишина. Я попытался пошевелиться и тут же почувствовал такую боль, будто всё тело разом вспыхнуло огнём. У изголовья сидел Юрьев. Он заметил, что я открыл глаза, и вскочил. Наконец-то! Командир, ты очнулся! Он наклонился и обнял меня. Я застонал. Осторожнее... Юрьев тут же отпрянул. Извини. Не рассчитал. На его крик прибежали остальные. Я смотрел на знакомые лица и постепенно понимал главное. Они выстояли. Более того они укрепились. К нам приезжали делегаты от ВКП(б). Они хотели понять, на чьей стороне находится завод. Я посмотрел на Гаврилова. А на чьей мы стороне? Он пожал плечами. Такой установки не было. То есть? Наша задача была ослабить фронт. Мы это сделали. Ульянов захватил власть. Но это не было нашим приказом. Он немного помолчал. Мы с ним даже раньше пересекались. Дискутировали. Но что он зайдёт настолько далеко... этого никто не ожидал. Я прикрыл глаза. Что там на Украине? И в Литве? Гаврилов подсел ближе. Там всё хорошо. Я открыл глаза. Подробности. Заводы работают. Ресурсы продолжают поступать из России. Англия фактически осталась без флота. Немцы развивают наступление. Париж скоро падёт. Я медленно откинулся на подушку. Закрыв глаза. И улыбнулся. Получилось. Невроятно, но получилось. Я действительно изменил историю. Теперь оставалось только понять, что делать с этой новой историей дальше. Если приедет Ленин, прошептал я, пропустите его. Гаврилов посмотрел на меня с удивлением. Уверен? Я усмехнулся. После того, что со мной

произошло, меня уже трудно чем-то удивить. Но организм решил иначе. Рёбра были сломаны и пробито легкое. Лёгкие воспалились. Температура поднималась всё выше. Я почти постоянно проваливался в забытё. В какой-то момент, придя в сознание, я с трудом прошептал: Найдите доктора Боткина. Гаврилов наклонился ко мне. Какого Боткина? Евгения Сергеевича. Я перевёл дыхание. И ещё Сеченова. Хорошо. Я закрыл глаза. И найдите того надзирателя... Кого? Того, который меня выходил. Ответить я уже не смог. Сознание снова поплыло. Я очнулся в бреду. Перед глазами всё расплывалось. Белый халат. Стеклянная бутылка. Тонкая трубка капельницы. Человек склонился надо мной. Я несколько секунд всматривался в его лицо. И вдруг узнал. Доктор Боткин. Он положил ладонь мне на лоб. Ну как ты, милоч? Я попытался ответить, но голос почти не слушался. Лёгкое... Что? Я собрал остаток сил. Надо... проколоть лёгкое... в нижней части... дать жидкости выйти... Доктор нахмурился. Что ты такое говоришь? Я хотел объяснить. Хотел сказать ему, что знаю, что происходит, что видел подобное в другом времени, что нельзя ждать. Но слова исчезали. Комната снова поплыла перед глазами. Последнее, что я услышал, был голос Боткина: Тише, милоч. Не говори. И я снова потерял сознание. Когда я очнулся в следующий раз, мне стало значительно лучше. Первое, что я почувствовал, трубку, уходящую из моей бочки. Я осторожно нащупал её рукой и улыбнулся. Молодец, доктор, подумал я. Значит, понял. Увидев, что я пришёл в себя, дежурный позвал Гаврилова. Через несколько минут он появился в палате. Ну как ты, командир? Выживу, ответил я. Гаврилов улыбнулся. Ульянов приходил три раза. Это хорошо. Что у нас с ним? спросил я. Помогаем продуктами. Снаряжаем оружием. Он нам не мешает, Германии тоже не мешает. Задачу свою мы выполняем. Командование довольно, Ульянов доволен. Я кивнул. Значит, пока всё идёт по плану. На следующий день приехал Ленин. Он вошёл в палату совершенно спокойно, словно навещал старого знакомого. Ну что же ты, голубчик, так пугаешь нас? Революция требует крови, пошутил я. Ленин усмехнулся. Да. Но твоя кровь, товарищ Морозов, похоже, действительно бесценна. Он присел рядом с кроватью. Некоторое время молчал, а потом спросил: В каком русле будем двигаться, товарищ Морозов? Я посмотрел на него. Правильный путь держишь, товарищ Ленин. Он слегка приподнял бровь. Только не ставь генеральным секретарём партии Джугашвили. Ленин нахмурился. Почему? Ты спросил меня про русло. Я тебе ответил. Он некоторое время изучал моё лицо. Я продолжил: И ещё. Найди Фанни Каплан эссерка. Ленин замер. Где хочешь найди. И приведи её ко мне. Зачем? Поговорить. Ленин задумался и ничего не ответил. Через несколько секунд он поднял глаза. Ты отдашь мне царя? Нет. Ответ прозвучал коротко. А матросов дашь? Нет. Ленин хотел что-то сказать, но я опередил его: Не спеши, Володя. Один матрос стоит двух твоих солдат и четырёх крестьян. Это наш ресурс. Не распыляй его. Ленин внимательно посмотрел на меня. Наш? Наш подтвердил я. Я выдержал его взгляд. Мы с тобой в одной лодке, Владимир. Он улыбнулся. И кто у руля? Ты капитан, Володя. Ленин задумался. А тебе какая роль? Мне роли кормчего достаточно. Я усмехнулся. Это твоя революция. Тебе и строить её будущее. Он ещё несколько секунд молчал. Кормчий, говоришь... В его голосе появилась едва заметная усмешка. Он поднялся. Ладно. Выздоровлявай. Постараюсь. Ленин вышел. Я остался один. Боится меня Ульянов, подумал я. Не смерти. Не оружия. А того, что я знаю слишком много. Я позвонил в колокольчик. Через некоторое время появился доктор. Ну как у нас дела? спросил я. Нормально. С вашими пожеланиями мы справились. А откуда у вас такие познания в медицине? спросил он. Он внимательно посмотрел на меня. Я усмехнулся. Из Германии. Боткин улыбнулся. То-то я гляжу, ты по-немецки в бреду что-то лапотал. Да. В Берлине я вырос и учился. Он одобрительно покивал. Значит, коллега? Нет, доктор. Я улыбнулся. Я больше по технике. Боткин задумался. А вот это, произнёс он многозначительно, знатное дело. Такой завод оживить. Я посмотрел на него. Остальные заводы стоят? Многие. Он тяжело вздохнул. Нет хозяев нет работы. А разве могут крестьяне управлять заводом? Ты это брось, доктор. Я оборвал его упаднические настроения. Вспомни Ломоносова. Он тоже был из крестьян. Это так-то да, согласился Боткин. Но где же столько

Ломоносовых наберёшь? Я усмехнулся. Русь большая. Доктор посмотрел на меня с любопытством. И что же ты предлагаешь? Всех найдём. Я сделал паузу. И всех научим. Боткин некоторое время молчал. Потом тихо произнёс: Дай-то бог. Он поправил одеяло и направился к двери. А я снова посмотрел в окно. История изменилась. Но теперь начиналось самое трудное. Изменить историю оказалось гораздо проще, чем заставить её работать.

Глава 9

Спор с ним был ещё не окончен, подумал я. Я как раз собирался позвать доктора, когда дверь открылась и вошёл Гаврилов. Здравствуй, кивнул я ему. Какие у нас новости? Он помедлил. Чехословацкий корпус бунтует. Я тяжело вздохнул. Лежать и болеть становилось смерти подобно. Ленин не справится с чехами, подумал я. А если и справится, то какой ценой? К обеду мне наконец сняли дренажные трубки. Зашивать раны пока не стали, но дышать стало значительно легче. Я настоял, чтобы мне дали возможность немного проехать по городу. В броневике я медленно проехал по улицам. Петроград выглядел удивительно спокойно. Работали магазины. На улицах было движение. Люди спешили по своим делам. Где-то ещё чувствовалось напряжение, но в целом город уже начинал возвращаться к обычной жизни. Я устал и поэтому решил не ехать к Ленину. Передал ему через Гаврилова: Скажи Владимиру Ильичу, что я жду его здесь. Ленин не заставил себя ждать. На этот раз он приехал вместе с Крупской. Я поднялся настолько, насколько позволяли рёбра. Здравствуйте, Надежда. Я пожал ей руку. Она посмотрела на меня внимательно. А я вас помню. Вот как? Вы мне сразу показались странным. В вашем взгляде было что-то... надменное. Так смотрят на белых мышей в клетке доктора. Я усмехнулся. Я так и знал, что Володя сложит всю грязную работу на вас. Она тоже усмехнулась. Наверное, все Вовы такие. Ленин рассмеялся. Ну и шутники вы, милостивые государи. Он устроился у стены. Так по какому вопросу у нас собрание? Я посмотрел на Крупскую. На неё Ленин смотрел совершенно иначе, чем на остальных. Я невольно задумался, насколько она действительно близка к нему и насколько сильно влияет на его решения. Но размышлять об этом было некогда. Первостепенная задача пролетариата свершилась, начал я. Теперь надо определиться с частной собственностью. Ленин мгновенно вскочил. А что не так с частной собственностью? вспылil он. Частная собственность анахронизм самодержавия и капитализма! Мы боролись за всемирное равенство рабочих! Стоп. Я поднял руку. Давайте не будем сразу входить в полемику. А вас, товарищ Ульянов, я попрошу хотя бы пять минут побыть слушателем. Раз уж вы притащили Надежду Константиновну. Крупская посмотрела на меня, совершенно игнорируя недовольный взгляд мужа. Вот представьте, сказал я ей. Завтра мы отменяем частную собственность. Что будет? Она задумалась. Что именно вы имеете в виду? Мою ложку заберёт прохожий? А другой человек придёт и съест мой обед? Ленин подпрыгнул на стуле, но промолчал. Крупская улыбнулась. Ну, не будем настолько фундаментально ломать устои. Частную собственность в рамках жизни отдельного человека мы сохраним. Но не позволим превращать её в средство наживы. Хорошо, согласился я. Вот с этого и начнём. Я посмотрел на Ленина. Но для этого необходимо воспитать общество сознательных людей. А это невозможно сделать за один год. Потребуется новое поколение. Крупская кивнула. И что вы предлагаете? Два параллельных мира. Ленин нахмурился. Что ещё за два мира? Социализм для будущего поколения и социально справедливое общество переходного периода. Я говорил медленно, чтобы они оба поняли каждое слово. Частная собственность остаётся, но регулируется государством. Ключевые отрасли промышленности, железные дороги, энергетика и недропользование закрепляются за государством. При этом человеку оставляют возможность иметь дом, имущество, мастерскую, землю в установленных пределах и распоряжаться результатами своего труда. Ленин снова попытался вмешаться. Но это... Володя. Я остановил его. Пять минут. Ты сам согласился слушать. Крупская задумалась. А как же марксистская идеология? Мы что, отклоняемся от неё? Я усмехнулся. Марксистская теория создавалась для определённой европейской действительности. Мы же русские ещё вчера от сохи не отошли. Нельзя просто взять

чужую модель и приказать стране жить по ней. Ленин вскинул руки. Пять минут прошло! И спор разгорелся снова. Мы говорили почти одновременно. Ленин доказывал необходимость революционного преобразования собственности. Я объяснял, что государство, которое уничтожит сразу все привычные экономические механизмы, рискует остаться без производства. Крупская сначала молчала. Но постепенно я заметил, что она становится всё более задумчивой. Ленин тоже это заметил. Надюша, что с тобой? спросил он. Ты поверила этому шарлатану? Она посмотрела на него. Володя... И он сразу успокоился. Крупская повернулась ко мне. Этот «шарлатан», как ты выразился, сумел запустить завод. Ленин молчал. Сдать немцам Украину и Литву, продолжила она. Взорвать весь генералитет России. У него работают предприятия и при Керенском, и при тебе. И заметь: он ещё умудряется служить Германии и прятать русского императора. Ленин почесал бороду. Вот поэтому мы здесь, Наденька, горячо произнёс он. В споре рождается истина. Крупская покачала головой. Тебе не нужна истина, Володя. Он замолчал. Мы взялись строить новое общество, продолжила она. Но как нам быть со старым? За одно утро мир не перестроить. Она посмотрела на меня. А Морозов, возможно, действительно может указать нам путь возрождения государства. Ленин нахмурился. Экономика? Именно. Крупская говорила уже увереннее:

Надо поднимать экономику. А как это делать, никто толком не знает. Я разговаривала с путиловскими рабочими. Они довольны управляющими. Доходы распределяются справедливо. Вот с чего надо брать пример. Она повернулась к Ленину. Есть уже работающий механизм. Зачем его ломать? Потом снова посмотрела на меня. Хочешь сделать лучше делай. Вон заводы стоят. Докажи, что твоя модель экономики работает лучше. В комнате наступила тишина. Я посмотрел сначала на Ленина, потом на Крупскую. Вот теперь разговор становился действительно интересным. Хорошо, сказал я наконец. Договорились. Ленин прищурился. О чём? Дайте мне заводы. Какие? Я улыбнулся. Те, которые вы уже списали со счетов. Крупская внимательно посмотрела на меня. И что вы собираетесь с ними делать? Я откинулся на подушку. Покажу вам, как можно построить новую экономику, не разрушая старую до основания. Ленин долго смотрел на меня. А потом неожиданно усмехнулся. Опять ты предлагаешь эксперимент. Нет, Володя. Я тоже улыбнулся. Теперь уже тебе придётся быть испытуемым. Хорошо, сказал Ленин. А что делать с немцами, которые сидят в Киеве? Это наша земля. Я поднял руку. Вот тут, Володя, не торопись. Ленин замолчал. Пока немец сидит в Киеве. Антанта занята своими проблемами. Хохлы под гнетом немцев. А немцы строят заводы. Но как только немец начнёт слабеть, мы их турнем всей силой революционной жестокости.. Я перевёл взгляд на Крупскую. Нам сейчас нужен баланс сил. Баланс? переспросил Ленин. Именно. Я поднялся с подушки и подошёл к карте. Смотри. Немец пошёл на Париж. Значит, ему нужны войска на Западе. А мы создаём ему проблему в тылу. Я провёл пальцем по карте. Чехословацкий корпус. Ленин нахмурился. Как? Очень просто. Немцам станет плохо, если в их тылу появится новая армия. Им придётся оттягивать войска с фронта. Но как мы заставим чехов воевать? Я улыбнулся. Не заставим. Ленин внимательно посмотрел на меня. А что тогда? Завтра едем в Казань. В Казань? Да. Я ткнул пальцем в карту. Предложим чехам республику. Крупская подняла глаза. Собственную республику? Именно. Я повернулся к Ленину. Пусть они знают, за что будут воевать. Не за абстрактные лозунги, не за чужие интересы, а за своё будущее. Ленин задумался. И ты думаешь, они согласятся? Думаю, стоит предложить. Я снова посмотрел на карту. А дальше их можно будет провести через Украину. Тихо. Под видом вагонов с лесом. Ленин медленно поднял голову. Прямо к немцам в тыл? Именно. В комнате повисла тишина. Крупская посмотрела на карту, затем на меня. Ты хочешь одновременно сохранить немцев в Киеве и создать им угрозу в тылу? Да. А потом? А потом смотреть, кто первым сделает ошибку. Ленин задумался. Я видел, как в его голове уже выстраивается цепочка событий. Ты предлагаешь не уничтожать противников, произнёс он наконец. Ты предлагаешь удерживать их друг против друга. Ты хочешь их столкнуть лбами. Теперь ты понял. Ленин усмехнулся.

Опасная игра, товарищ Морозов. А революция разве бывает безопасной? Крупская покачала головой. Вы оба ненормальные. Я рассмеялся. Зато пока живые. Ленин поднялся. Хорошо. Завтра Казань. Он уже направился к двери, но остановился. Только учти, Морозов: если твоя схема провалится... Тогда ты скажешь, что это была твоя идея. Ленин рассмеялся. Именно. Он вышел. Я посмотрел ему вслед. Крупская задержалась. Вы действительно хотите это сделать? Я задумался. Возможно. Тогда почему помогаете? Я посмотрел на неё. Потому что сейчас мы плывём в одной лодке. Она кивнула. А если лодка перевернётся? Я улыбнулся. Тогда придётся учиться плавать. Но я сделаю это с вами или без вас сказал я обнимая ее. А вы проказник сказала Крупская убирая мою руку со своего бедра. И приходите сегодня вечером к нам у нас будет Инесса. Она мне заговорческий подмигнула. И я понял что у меня появился сторонник в тылу у Ленина.. В блеске глаз Крупской я увидел мольбу о помощи. Она тяжело тяготилась обществом Инессы Арманд, но ничего поделать не могла. Будучи идейной марксисткой, она сама себе запрещала ревновать. Для неё это было почти вопросом принципа: чувства личное, а революция общее дело. Я сделал вид, что ничего не заметил. Мне уже становилось значительно лучше. К вечеру я вообще был, как огурчик, и решил, что лежать в постели больше не собираюсь. Но перед тем как отправиться к Ленину, я съездил в Кронштадт. Мне хотелось увидеть моряков своими глазами. Когда я вошел в ворота, первое, что бросилось в глаза, военный порядок. Матросы все были заняты делом, без привычной суеты. В них чувствовалась сила людей, которые привыкли держать оружие и отвечать за свои решения. Я смотрел на них и всё больше задавался одним вопросом. Если матросы Кронштадта были такой силой, то как Ленин вообще смог провести переворот без них? Или быть может. В той истории слишком раздули их роль? Я подошёл к одному из командиров. Скажите, а во время переворота вам поступал приказ покинуть Кронштадт? Он посмотрел на меня так, будто вопрос показался ему странным. Нет. Совсем никакого приказа? Никакого. К разговору подошёл ещё один моряк. Нам сказали оставаться здесь. Крепость должна была быть готова к обороне. То есть вы могли отправиться в Петроград? Могли, если бы был приказ. Я нахмурился. А приказа не было? Не было. Я несколько секунд молчал. Вот тебе и революция. Я посмотрел на серые укрепления, на корабли, на людей, которые стояли передо мной. Получалось, что одна из самых организованных и вооружённых сил революции просто оставалась на месте. А ведь если бы эти люди получили приказ в нужный момент, всё могло выглядеть совсем иначе. Кто отдавал распоряжения? спросил я. Матрос назвал несколько фамилий. Я запомнил. Поблагодарил их и ушёл. Ни одного моего бойца среди названных не было. А в крепости я оставил Дмитрия Горина он же Ганс Шмидт Начальником крепости и Генадия Белова он же Фриц Шульц. Комиссаром крепости. Это их заслуга в сохранении боевого порядка крепости. Не хотелось плохо думать о русских. Но есть в немцах какая то жилка хозяйственности и порядка. Встретил я их в компании Михаила Сидельникова комиссара от матросов. Они доложили по форме о боеспособности крепости. По дороге обратно я уже почти не сомневался, с кем хочу поговорить. С Ульяновым. И я поехал на Васильевский остров. Когда я вошёл к Ленину, он сидел над бумагами. Крупской рядом не было. Он поднял голову. Опять ты? Опять я. Ленин усмехнулся. И что на этот раз? Я сел напротив. Я был в Кронштадте. Улыбка с его лица исчезла. Зачем? Хотел кое-что проверить. Что именно? Почему мои моряки не участвовали в перевороте так, как я ожидал. Ленин откинулся на спинку стула. И что же ты узнал? Что приказа покидать Кронштадт не было. Он помолчал. И? А вот это, Володя, я хотел бы услышать от тебя. Ленин внимательно посмотрел на меня. Ты знаешь одно то что Кронштадт не вмешался в революцию но одобрил ее мне придало сил. Я не раз заявлял с полной уверенностью что моряки с нами. И понимаешь мне верили. И тебе за это большое спасибо. Потому что когда я говорил что Путиловский завод и Кронштадт пойдет за мной. Аргументов у врагов не было. Временное правительство сдалось и сложило свои полномочия. Он усмехнулся. Разница небольшая. Огромная. Заговор ищет виноватого. Я ищу причину. Ленин постучал пальцами по столу. Что тебя беспокоит?

Меня беспокоит то, что у тебя под рукой была сила, способная изменить положение в Петрограде, а она осталась в крепости. Не всё решается количеством штыков. Согласен. Я наклонился вперёд. Но иногда отсутствие нескольких тысяч штыков решает всё. Ленин молчал. Я продолжил: Если Кронштадт оставался в крепости по приказу, значит, кто-то сознательно не использовал его. Вот я и хочу понять кто. А если я скажу, что решение было принято исходя из обстановки? Тогда я спрошу, кем именно. Ленин посмотрел на меня внимательно. Ты слишком много копаешься в прошлом. Потому что мы живём в настоящем, которое из этого прошлого выросло. Он задумался. Я уже хотел продолжить, но тут дверь открылась. Вошла Крупская. Наши взгляды встретились. И я снова увидел в её глазах тот самый блеск. Она ничего не сказала. Но мне вдруг стало совершенно ясно: разговор сегодня будет не только о Кронштадте. В проёме двери появилась Инесса Арманд. Она остановилась на пороге и посмотрела на меня с загадочной улыбкой. Ленин тоже перехватил её взгляд и неожиданно вскочил со стула. Так что там у нас с Казанью? быстро спросил он, словно только этого разговора и ждал, уводя беседу в другое русло. Я улыбнулся. Да я вот подумал... Раз Инесса ваш ближайший соратник, то она поедет со мной в Казань. Ленин даже руками всплеснул. Как же так?! Ты же мне обещал эту роль! Не кипятись, Володя, я поднял ладонь, останавливая его горячку. Ты воплощение революции. А для чехов это как ножом по живому месту. Ленин нахмурился. Объясни. У них есть связь с правительством Франции. Они ориентируются на Антанту и прекрасно знают, что происходит на Западном фронте. А теперь представь: под Парижем стоят немецкие войска, а ты, Владимир Ильич, объявляешь о прекращении войны. Я развёл руками. В их глазах ты выглядишь человеком, который оставил союзников в самый тяжёлый момент. Нам совершенно ни к чему создавать себе ещё одного боевого врага. Арманд перестала улыбаться и внимательно посмотрела на меня. А я, значит, по-твоему, не буду выглядеть так же? Нет, ответил я. Ты будешь выглядеть как человек, который приехал разговаривать. А это совсем другое. Ленин фыркнул. А ты, значит, у нас дипломат? Нет. Я человек, которому нужно, чтобы чехи согласились идти туда, куда нам необходимо. Ленин покачал головой. Я выдержал паузу и спросил: Кстати, как там с врагами? Он взмахнул руками. Какими ещё врагами, Морозов? Ты же всех генералов взорвал! Я промолчал. Ленин, почувствовав, что я не собираюсь перебивать, продолжил: Остались мелкие очаги помещиков, отдельные вооружённые группы, проблемы в Средней Азии... Басмачи. Но это уже не та сила, которая способна сама по себе перевернуть страну. Я слушал молча. Пусть выговорится. Когда он закончил, я спокойно сказал: Вот теперь вернёмся к частной собственности. Ленин сразу насторожился. Опять? Именно. Я поднялся со стула и подошёл к окну. Если мы оставим частную собственность, но поставим её в жёсткие рамки государства, часть тех людей, которых ты называешь врагами, потеряет главное желание воевать. Как это? Очень просто. Они защищают своё. Я повернулся к нему. Землю. Дом. Мастерскую. Хозяйство. То, что заработали сами или получили от предыдущих поколений. Отними у человека всё и ты получишь человека, которому нечего терять. Ленин молчал. А если сказать ему: работай дальше, владей, развивай хозяйство, но плати налоги и соблюдай государственные правила? Я постучал пальцем по подоконнику. Он начнёт считать не потери от войны, а прибыль от мира. Крупская, стоявшая у двери, внимательно слушала. Я продолжил: Пусть работают и пополняют казну. Мы обложим их налогами. Чем больше заработал тем больше отдал государству. Но не будем превращать человека в преступника только потому, что он владеет собственностью. Вспомни крепостное право. Раздали наделы свободным крестьянам. А нет земля оказалась у помещиков которые правильно смогли организовать труд и правильно возделывать землю. Есть большая часть людей которые могут только работать только при одном условии. Когда их заставляют это делать. Ленин прищурился. А рабочие? Их государство тоже должно защищать. Государство? Нет. В первую очередь профсоюзы. Ленин поднял брови. Профсоюзы? Вот именно. Я повернулся к нему. Профсоюз это сила, которая может защищать трудящегося без того, чтобы каждый спор превращался в государственное

дело. Я говорил всё твёрже: Минимальная оплата, условия труда, продолжительность рабочего дня, безопасность, компенсации. Всё это должно обсуждаться не только с чиновником, а между работником и работодателем при участии профсоюза. Крупская медленно кивнула. Я заметил это. Не гоже милиции стоять на страже собственности, продолжил я. Её задача охранять закон. А закон должен быть таким, чтобы и собственник понимал свои обязанности, и рабочий знал свои права. Ленин прошёлся по комнате. Ты предлагаешь оставить капиталистов? Я предлагаю оставить экономику. Он остановился. Это не одно и то же? Совсем не одно и то же. Я посмотрел ему прямо в глаза. Капиталист может стать налогоплательщиком. Предприниматель может стать работодателем. Владелец земли может стать производителем. Но если мы уничтожим всех, кто умеет управлять хозяйством, кто будет завтра производить хлеб, металл, одежду и инструменты? Ленин ничего не ответил. Арманд, до этого молчавшая, наконец заговорила: А если они начнут использовать деньги против государства? Тогда государство должно иметь закон, а не дубинку. И если нарушат закон? Суд. А если суд куплен? Я усмехнулся. Тогда никакая революция вам не поможет. В комнате повисла тишина. Крупская посмотрела на Ленина. А я понял, что разговор о Казани постепенно превращается в разговор о будущем всей страны. И именно этого я и хотел. Потому что чехи были нужны нам для войны. А вот то, что мы собирались построить после неё, было куда важнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.